Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

ИНАХЪ
ИДРЕЕВА

Digitized by Google

1023
VII

Digitized by Google

L-2885
GR

N VII
1023.

Digitized by Google

Digitized by Google

8-2885
1023
VII

Digitized by Google

Digitized by Google

Andreev, L.N. Арх XXV-2а 9792/2

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

VII/1123.

ЦАРЬ ГОЛОДЪ

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ

РИСУНКИ Е. ЛАНСЕРЕ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“
СПБ. 1908

Digitized by Google

PG3452
T7
1908

Л. Андреевъ — Царь Голодъ. Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора И. П. Ладыжникову по слѣдующему адресу: Berlin W 15. Uhland-strasse, 145.

Bühnen und Buchverlag russischer Autoren I. Ladyschnikow.

Digitized by Google

ПОСВЯЩАЕТСЯ

А. М. А.

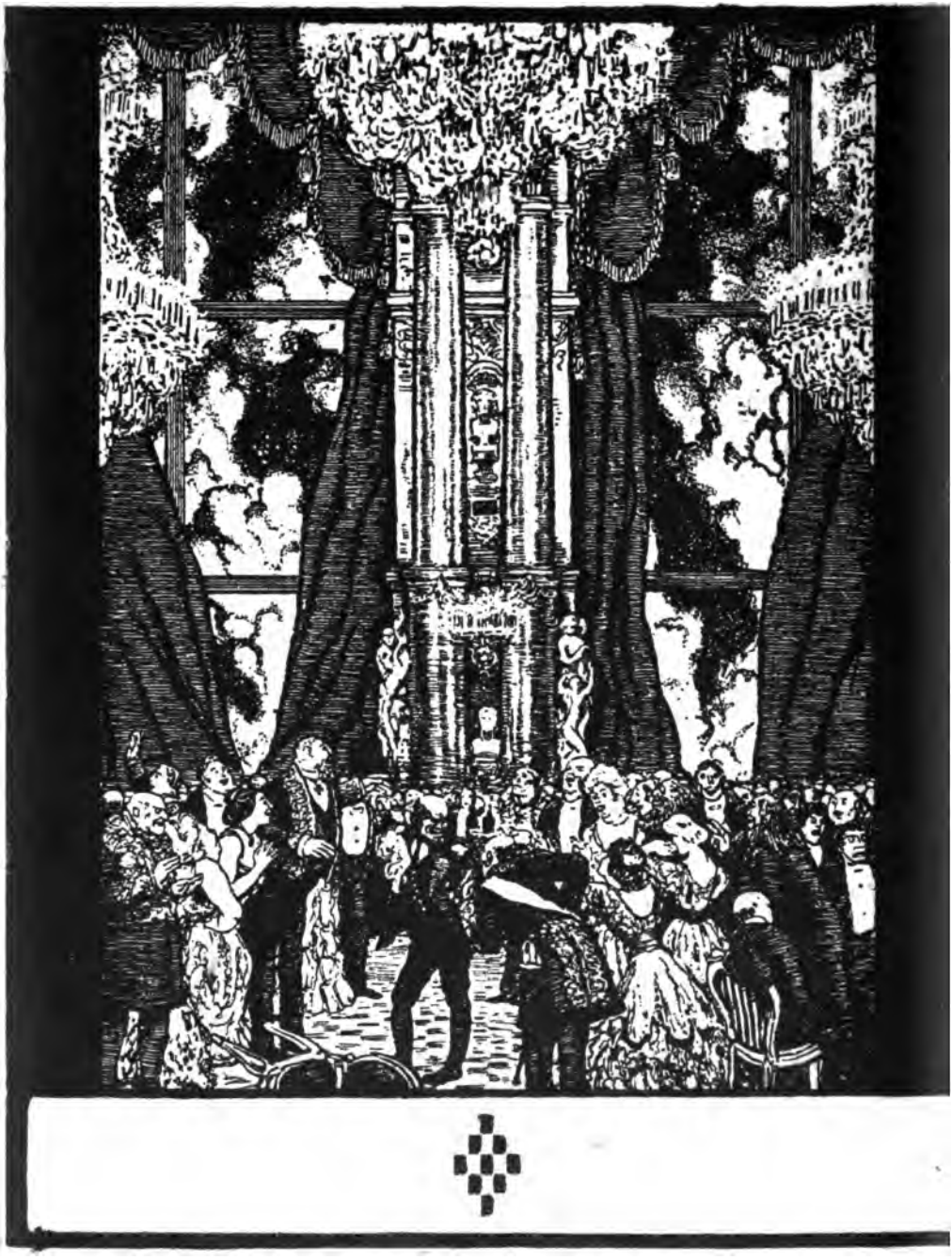
Digitized by Google

Digitized by Google

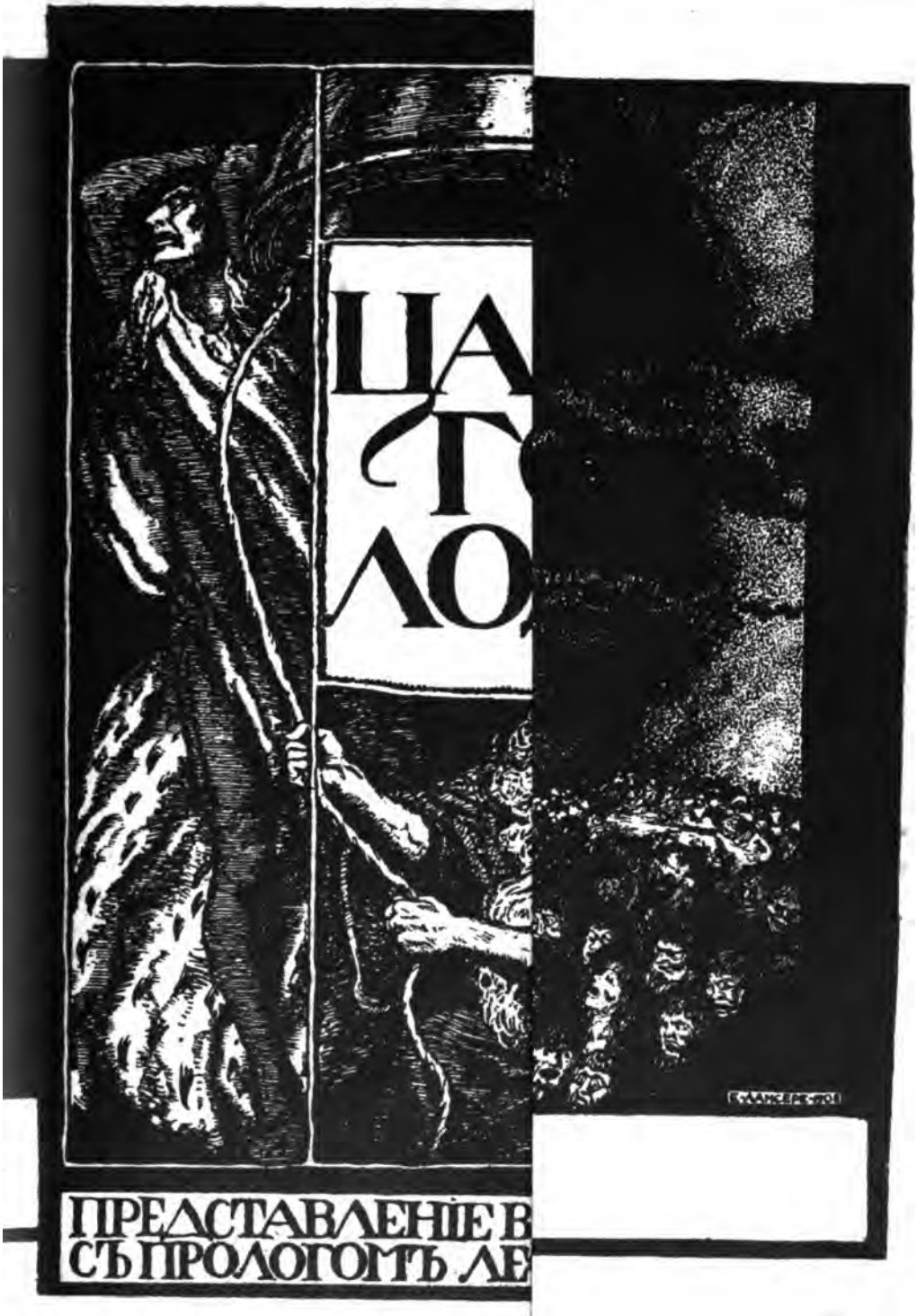
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

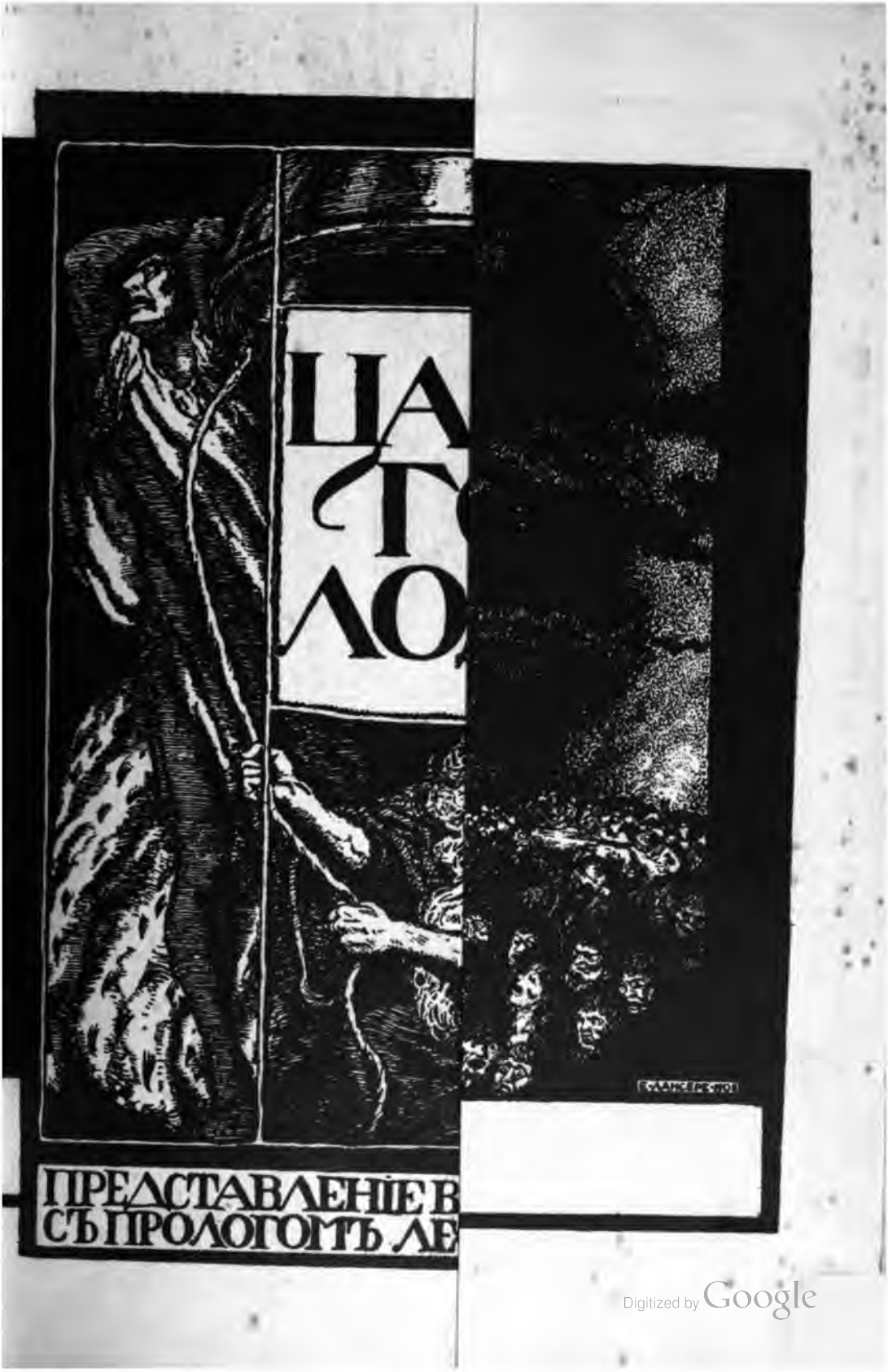


Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ.

ЦАРЬ ГОЛОДЪ КЛЯНЕТСЯ ВЪ ВѢРНОСТИ ГОЛОДНЫМЪ.

Ночь.

Верхушка старинной соборной колокольни. Позади ея — ночное городское небо; внизу оно рѣзко окрашено заревомъ городскихъ уличныхъ огней, вверху постепенно мутнѣетъ, свинцовѣетъ и переходитъ въ черную нависающую тяжелую тьму. Тамъ, гдѣ небо свѣтло, на фонѣ его, рѣзко и отчетливо, какъ вырѣзанныя изъ чернаго картона, вычерчиваются черные столбы, стропила, колокола и рѣшетки церковной башни. Къ низу башня переходитъ въ черные, рѣзкіе и немного непонятные силуэты церковныхъ кровель, какихъ-то трубъ, похожихъ на неподвижныя человѣческія фигуры, которыя къ чему-то прислушиваются, статуй, заглядывающихъ внизъ. Только кое-гдѣ на этомъ черномъ кружевѣ видны отсвѣты низкихъ городскихъ огней: тускло поблескиваютъ крутые бока колокола, желтѣютъ округлые края колоннъ; на статуѣ ангела, бросающагося внизъ съ распростертыми руками, слабо озарены лицо, грудь и верхушки крыльевъ.

На площадкѣ колокольни находятся трое: Царь Голодъ, Смерть и старое Время-Звонарь.

Смерть стоитъ совершенно неподвижно, лицомъ сюда, и черный силуэтъ ея рисуется такъ: маленькая,

Digitized by Google

круглая головка на длинной шеѣ, довольно широкія, четырехугольныя плечи; всѣ линіи прямы и сухи. Окутана Смерть сплошнымъ чернымъ, полупрозрачнымъ покрываломъ, облегающимъ узко; сквозь ткань чувствуется и даже какъ будто видится скелетъ. Почти такъ же неподвижно и только изрѣдка качаетъ головой старое Время. И голова у него большая, съ огромной, косматой старческой бородою и волосами; въ профиль виденъ большой строгій носъ и нависшія мохнатыя брови.

Царь Голодъ движется безпокойно и страстно, такъ что трудно составить представленіе о его фигурѣ. Замѣтно только, что онъ высокъ и гибокъ.

Разговариваютъ Время-Звонарь, Царь Голодъ и Смерть.

— Ты снова обманешь, Царь Голодъ. Уже столько разъ ты обманывалъ твоихъ бѣдныхъ дѣтей и меня.

— Повѣрь, старикъ.

— Какъ могу я повѣрить обманщику?

— Повѣрь еще разъ. Только разъ еще повѣрь мнѣ, старикъ! Я никогда не лгалъ. Я обманывался самъ. Несчастный царь на разрушенномъ тронѣ, я обманывался самъ. Ты знаешь вѣдь, какъ хитеръ, какъ лживъ, какъ увертливъ человѣкъ. И я губилъ моихъ бѣдныхъ дѣтей, ихъ тощими трупами я кормилъ Смерть...

Показываетъ рукою на Смерть. Все такая же неподвижная, Смерть перебиваетъ его скрипучимъ, сухимъ и очень спокойнымъ голосомъ: какъ будто заскрипѣли среди ночи старыя, заржавленныя, давно не открывавшіяся ворота:

— Да, — но я еще не сыта.

Digitized by Google

Время.

Ты никогда не бываешь сыта. Столько уже съѣла ты на моихъ глазахъ, и все такая же сухая и жадная.

Царь Голодъ.

Но теперь я дамъ ей болѣе сытную пищу. Довольно наглодалась она костей, какъ дворовая собака на привязи — пусть теперь потѣшится разгульно надъ здоровыми, толстыми, жирными, у которыхъ кровь такая красная и густая и вкусная. Смерть, дай мнѣ руку, ты поблагодаришь меня — въ честь твою будетъ праздникъ!

Смерть, не протягивая руки, говоритъ тѣмъ же скрипучимъ голосомъ:

Да, — но я никогда не благодарю

Время.

Ты лжешь, Царь Голодъ!

Царь Голодъ.

Посмотри на мое лицо — развѣ не страшно оно. Взгляни въ мои глаза — ты увидишь въ темнотѣ, какъ горятъ они огнемъ кроваваго бунта. Время настало, старикъ! Земля голодна. Она полна стонами. Она грезитъ бунтомъ. Ударь же въ твой колоколъ, старикъ, раздери до ушей его мѣдную глотку! Пусть не будетъ спящихъ.

Время, колеблясь:

Правда, когда наступаетъ ночь и тишиною одѣвается время, оттуда—снизу—приходятъ слабые стоны... Плачъ дѣтей...

Digitized by Google

Царь Голодъ протягиваетъ руку къ городу:

Это оттуда, изъ проклятаго города.

Время качаетъ головою:

Нѣтъ, еще дальше. Вопли женщинъ, хрипѣніе стариковъ, вой псовъ голодныхъ...

— Это оттуда — съ полей, изъ глубины умирающихъ деревень!

— Нѣтъ, еще дальше, еще дальше... Какъ будто стонъ всей земли слышу я, и это не даетъ мнѣ спать. Я старикъ, я усталъ, мнѣ нужно спать, а они не даютъ. Мнѣ хочется умереть. Смерть, старая подруга, когда же ты возьмешь меня?

Смерть молчитъ и старое Время грустно никнетъ головою.

Царь Голодъ.

Ударь въ колоколъ! Я также несчастенъ. Я также хотѣлъ бы умереть. Бѣдныя дѣти мои — хотѣлъ я создать царство сильныхъ, а создалъ лишь царство убійцъ, тупоумныхъ, лжецовъ. Я не царь, я жалкій приспѣшникъ, а моя корона, моя великая кровавая корона — игрушка у ихнихъ дѣтей. Убей же ихъ, Время, ударь въ твой колоколъ! Ударь!

Время.

Ты уже говорилъ это когда-то. И обманулъ.

Царь Голодъ.

Тогда я самъ сомнѣвался.

Digitized by Google

— А теперь?

— Взгляни на моихъ дѣтей! Спроси у Смерти, она никогда не лжетъ. Безропотные доселѣ, теперь они встрѣчаютъ ее бурей негодованія, проклятіями, гнѣвомъ!

Смерть говоритъ тѣмъ же сухимъ спокойнымъ голосомъ:

Да — они спорятъ немного.

Царь Голодъ.

Дай твою руку, Смерть!

Смерть не даетъ руки и молчитъ. Тишина. На башнѣ въ темнотѣ медленно и печально звонятъ часы. Время говоритъ колеблясь:

— Я начинаю вѣрить. Мнѣ такъ хочется отдохнуть — умереть.

Царь Голодъ.

Тогда не будетъ времени! О милый колоколъ, ты принесешь намъ покой и отдыхъ! Дай нѣжно прикоснуться къ тебѣ моей усталой головою.

Ласкаетъ колоколъ, цѣлуетъ нѣжно его крутые бока. Потомъ молча дѣлаетъ видъ, что звонитъ; и тихонько, глядя на него, сухимъ, отрывистымъ смѣшкомъ хохочетъ Смерть.

Время.

Ты смѣешься, Смерть?

Смерть.

Да — немного.

Digitized by Google

— Ты рада? Или ты смѣешься надъ моей довѣрчивостью? Но есть правда въ его словахъ, и колоколъ знаетъ это. Ночью, когда все спитъ, и только изнемогая стонетъ земля, по его бокамъ пробѣгаютъ тихіе шорохи, незамѣтные, слабые звоны. Словно тысячи незримыхъ рукъ ощупываютъ и ласкаютъ и спрашиваютъ: сохранился ли голосъ у мѣди. Страшно ночью на колокольнѣ, когда мерцаетъ внизу городъ неугасающими огнями и стонетъ въ кошмарѣ земля... Ты слышишь?

Всѣ прислушиваются. Царь Голодъ отшатнулся отъ колокола и слушаетъ, напряженно выкинувъ руки. И тихо, звенящимъ шелестомъ вздыхаетъ колоколъ и замолкаетъ.

Смерть.

Да — звенитъ немного.

Царь Голодъ.

Ты слышышь! Земля требуетъ бунта. Торопись, старикъ!

Время.

И такъ каждую ночь. Какъ трудно слышать это.

— Скоро ты услышишь другіе крики. Въ нихъ будетъ гнѣвъ!

— И боль.

— Нѣтъ, гнѣвъ, гнѣвъ! Боли всегда много у земли. Гнѣвъ, гнѣвъ, старикъ!

Гдѣ-то внизу, въ свѣтлѣющей глубинѣ, трижды — протяжно — трубитъ хриплый рогъ. Начинаясь на низкой нотѣ, звукъ медленно замираетъ на высокой — чувствуется въ немъ тоскливый и страшный призывъ. И еще разъ, гдѣ-то вдали, повторяется протяжный и тоскливый зовъ.

Digitized by Google

Смерть.

Меня зовутъ.

Исчезаетъ. Нѣкоторое время стоитъ молчаніе. Невидимые огни въ городѣ нѣсколько мутнѣютъ, блекнутъ, и съ одной стороны, высоко, начинаетъ играть и колыхаться беззвучно красноватое зарево. Повидимому, гдѣ-то въ городѣ начался ночной пожаръ.

Время.

Ушла Смерть.

— Ее позвали.

— Нѣтъ, скажи, зачѣмъ она убила моего голубя? Здѣсь на крышѣ жилъ голубь, стучалъ лапками по желѣзу и радовалъ меня — а она его убила.

Царь Голодъ смѣется громко.

Время.

Чему ты?

Царь Голодъ.

Такъ. Я очень люблю ее.

— Вотъ ты смѣешься, и я опять не вѣрю тебѣ. Теперь ты одинъ — скажи мнѣ правду, Царь Голодъ. Ты великій предатель, ты лжецъ передо всѣми, ты вовлекаешь людей въ безумные поступки и потомъ смѣешься надъ ними. Но сейчасъ?..

Царь Голодъ произноситъ торжественно и твердо:

Клянусь.

— Ты дашь голоднымъ побѣду?

— Клянусь.

— И мнѣ ты дашь покой?

— Клянусь.

Digitized by Google

Время вздыхаетъ.

Я вѣрю тебѣ. И я ударю въ колоколъ, когда ты этого захочешь.

— Это будетъ скоро. Я усталъ.

— И я усталъ.

Утомленно кладетъ большую лохматую голову на каменную баллюстраду. Растущее зарево окрашиваетъ краснымъ его сѣдые волосы и длинную худую руку, лежащую на перилахъ. Царь Голодъ также утомленно садится у ногъ и кладетъ голову на его колѣни. И говоритъ:

— Опять у нихъ горитъ что-то. Но я усталъ. Я не пойду туда сегодня. Я побуду съ тобою. У тебя такъ тихо.

— У меня страшно.

— Тамъ еще страшнѣе. Я былъ вездѣ, и страшнѣе всего у человѣка. Спой мнѣ твою пѣсенку, Время, дай отдохнуть великому и несчастному царю.

При блескѣ разгорающагося зарева, Время поетъ тихимъ старческимъ голосомъ.

Пѣсенка времени.

...Жилъ на башнѣ голубь — голубь. Стучалъ лапками по желѣзу — голубь, голубь. Пришла смерть и взяла голубя. Все падаетъ, все рушится, и все родится вновь. О, безначальность, мать моя! О, дѣточки мои — секундочки, минуточки, годочки — о, безконечность, дочь моя!..

Уже полъ неба охвачено заревомъ, и уже не колышется плавно, а мечется и прыгаетъ оно. Но на башнѣ спокойно и тихо; и печально, съ покорностью вызванивающъ часы, отмѣчая незримо бѣгущее время.

Опускается занавѣсъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЦАРЬ ГОЛОДЪ ПРИЗЫВАЕТЪ КЪ БУНТУ РАБОТАЮЩИХЪ.

Первое, что съ силою овладѣваетъ стороннимъ зрителемъ, это многоголосный, сложный, но ритмичный шумъ отъ работы машинъ и тысячъ приставленныхъ къ нимъ людей. Равномѣрные тяжелые вздохи паровиковъ, жужжаніе и свистъ вертящихся колесъ, шелестъ безконечно бѣгущихъ ремней; глухіе, рѣдкіе, сотрясающіе землю удары большихъ механическихъ молотовъ. На фонѣ этихъ мертвыхъ, тяжелыхъ, жестоко неизмѣнныхъ звуковъ, какъ будто уже независящихъ отъ воли человѣка, — живой, мѣняющійся, но ритмичный стукъ многочисленныхъ маленькихъ молотковъ. Различные по тону и силѣ звука, они то сливаются въ общій, живой, говорливый потокъ, то разбѣгаются въ одиночку, слабѣютъ, становятся жалобны и тихи — какъ стая пѣвчихъ птицъ въ лѣсу, разогнанныхъ коршуномъ. Въ общемъ получается какая-то мелодія, напоминающая пѣсенку Времени.

При раскрытіи занавѣса глазамъ представляется, въ черномъ и красномъ, внутренность завода. Красное, огненное — это багровые свѣты изъ горна, раскаленныя полосы желѣза, по которымъ, извлекая искры, бьютъ молотами черныя тѣни людей. Черное, безформенное, похожее на сгустившійся мракъ — это

Digitized by Google

силуэты чудовищныхъ машинъ, странныхъ сооруженій, имѣющихъ грозную видимость ночного кошмара. Угрюмо безстрастные, они налегли грудью на людей и давятъ ихъ своею колоссальною тяжестью. И столбы, подпирающіе ихъ, похожи на лапы чудовищныхъ звѣрей; и ихъ черныя, грозныя массы — на тѣла животныхъ, на исполинскихъ птицъ съ распростертыми крыльями, на амфибій, на химеръ. Тяжесть, и покой, и мракъ; и будто смотрятъ отовсюду широко открытые, неподвижные, слѣпые глаза.

И какъ маленькія черныя тѣни копошатся внизу люди. Суетливости нѣтъ въ ихъ движеніяхъ, нѣтъ живой и порывистой свободы жеста. И говорятъ и движутся они размѣренно и механично, въ ритмѣ молотовъ и работающихъ машинъ; и когда кто-нибудь вдругъ выступаетъ отдѣльно, то кажется, что это откололась частица черной машины, страннаго сооруженія, похожаго на невѣдомое чудовище.

Звуки работающихъ молотовъ и машинъ то усиливаются, то затихаютъ. И голоса людей вливаются въ этотъ хоръ незамѣтно, звучатъ въ унисонъ: то живые и звонкіе, то глухіе, отрывистые, тупые — почти мертвые.

Жалобы работающихъ.

— Мы голодны.
— Мы голодны.
— Мы голодны.

Трижды отрывисто ударяетъ большой молотъ.

— Мы задавлены машинами.
— Мы задыхаемся подъ ихъ тяжестью.
— Желѣзо давитъ.
— Гнететъ чугунъ.
— О, какая безумная тяжесть! Точно гора надо мною!

Digitized by Google

— Надо мной вся земля.

— О, какая безумная тяжесть!

Ударъ молота.

— Меня плющитъ желѣзный молотъ. Онъ выдавливаетъ кровь изъ моихъ жилъ — онъ ломаетъ кости — онъ дѣлаетъ меня плоскимъ, какъ кровельное желѣзо.

— Между валами протягиваютъ мое тѣло и оно становится узкое, какъ проволока. Гдѣ мое тѣло? Гдѣ моя кровь? Гдѣ моя душа?

— Меня кружитъ колесо.

— День и ночь визжитъ пила, разрѣзая сталь. День и ночь въ моихъ ушахъ визжитъ пила, разрѣзая сталь. Всѣ сны, что я вижу, всѣ слова и пѣсни, что я слышу, это визгъ пилы, разрѣзающей сталь. Что такое земля? Это визгъ пилы. Что такое небо? Это визгъ пилы, разрѣзающей сталь. День и ночь.

— День и ночь.

— День и ночь.

Ударъ молота. Трижды.

— Мы задавлены машинами.

Звонкій рыдающій голосъ:

— Мы сами части машинъ!

— Я молотъ.

— Я шелестящій ремень.

— Я рычагъ.

Слабый голосъ:

— Я маленькій винтикъ, съ головою, разрѣзанной на-двое. Я ввинченъ наглухо. И я молчу. Но я дрожу общей дрожью, и вѣчный гулъ стоитъ въ моихъ ушахъ.

— Я маленькій кусочекъ угля. Меня бросаютъ въ печь и я даю огонь и тепло. И вновь бросаютъ, и вновь горю я неугасимымъ огнемъ.

Digitized by Google

— Мы огонь. Мы раскаленныя печи.
— Нѣтъ. Мы пища для огня.
— Мы машины.
— Нѣтъ. Мы пища для машинъ.
— Мнѣ страшно.
— Мнѣ страшно.

Ударъ молота.

Голоса звучатъ испуганно и жалобно:

— О страшныя машины!
— О могучія машины!
— Будемъ молиться. Будемъ молиться машинамъ!

Гимнъ машинѣ:

— Кто сильнѣе всѣхъ въ мірѣ? Кто страшнѣе всѣхъ въ мірѣ? Машина. Кто всѣхъ прекраснѣе, богаче и мудрѣе? Машина. Что такое земля? Машина. Что такое небо? Машина. Что такое человѣкъ? Машина. Машина.

Трижды, мрачно соглашаясь, ударяетъ молотъ.

— Ты, стоящая надъ міромъ; — ты, владычица тѣлъ, помысловъ, и душъ нашихъ; — ты, славная, безсмертная, премудрая машина, — пощади насъ! Не убивай насъ — не калѣчь — не мучь такъ ужасно! Ты, безжалостнѣйшая изъ безжалостныхъ, скованная изъ желѣза, дышущая огнемъ, — дай намъ хоть немного свободы! Сквозь копоть твоихъ стеколъ, сквозь дымъ твоихъ трубъ мы не видимъ неба, мы не видимъ солнца! Пощади насъ!

На мгновеніе умолкаютъ маленькіе живые молотки и трижды безжалостно и тупо ударяетъ въ темнотѣ большой молотъ. И уже слышны отдѣльные, возмущенные голоса:

Digitized by Google

— Она не слышитъ!
— Она глухая — дьяволъ!
— Она лжетъ!
— Издѣвается надъ нами!
— Мы работаемъ для другихъ!
— Все для другихъ!
— Мы льемъ пушки.
— Мы куемъ звонкое желѣзо.
— Мы приготовляемъ порохъ.
— Создаемъ заводы.
— Города.
— Все для другихъ.
— Братья! Мы куемъ собственныя цѣпи!

Частый, живой, рѣзкій, негодующій стукъ маленькихъ живыхъ молотковъ. И въ тактѣ ударовъ негодующіе голоса:

— Каждый ударъ — новое звено.
— Каждый ударъ — новая заклепка.
— Бей по желѣзу.
— Куй собственныя цѣпи.
— Братья, братья, мы куемъ собственныя цѣпи.

Глухой ударъ большого молота обрываетъ этотъ бурный и живой потокъ и дальше онъ течетъ ровно и устало:

— Кто освободитъ насъ отъ власти машинъ?
— Покажетъ небо? Покажетъ солнце?
— Царь Голодъ!
— Царь Голодъ!
— Нѣтъ, онъ врагъ. Онъ загналъ насъ сюда.
— Но онъ насъ и выведетъ отсюда.
— Велика его власть! Велико его могущество!
— Онъ страшенъ. Онъ коваренъ и лживъ. Онъ золъ. Онъ убиваетъ нашихъ дѣтей. У нашихъ матерей нѣтъ молока. Ихъ груди пусты.

Digitized by Google

— Грознымъ призракомъ стоитъ онъ у нашихъ жилищъ.

— Отъ него некуда уйти. Онъ надъ всею землею.

— Тюремщикъ!

— Убійца!

— Царь Голодъ! Царь Голодъ!

Ударъ молота.

— Нѣтъ, онъ другъ. Онъ любитъ насъ, и плачетъ съ нами.

— Не браните его. Онъ самъ несчастенъ. И онъ обѣщаетъ намъ свободу.

— Это правда. Онъ даетъ намъ силу.

— Это правда. Чего не можетъ сдѣлать голодный?

— Это правда.

— Чья ярость сильнѣе?

— Чье отчаяннѣе мужество? Чего можетъ бояться голодный?

— Ничего.

— Ничего. Ничего!

Нѣсколько ударовъ молота.

— Зовите его сюда!

— Голодъ! Голодъ! Голодъ!

— Иди сюда, къ намъ. Мы голодны. Мы голодны!

— Молчите, безумцы!

— Голодъ! Голодъ!

— Онъ идетъ!

— Царь Голодъ! Царь Голодъ!

— Онъ пришелъ!

— Царь Голодъ!

На середину, въ полосу багроваго свѣта изъ горна быстро входитъ Царь Голодъ. Онъ высокаго роста, худощавый и гибкій; лицо его, съ огромными черными, страстными глазами, костляво и блѣдно; и волосы на

Digitized by Google

точеномъ черепѣ острижены низко. До пояса онъ обнаженъ и въ красномъ свѣтѣ отчетливо рисуется его сильный жилистый торсъ. И весь онъ производитъ впечатлѣніе чего-то сжатаго, узкаго, стремящагося въ высь. Въ движеніяхъ своихъ Царь Голодъ порывистъ и смѣлъ; иногда, въ минуты задумчивости и скорби, царственно медлителенъ и величавъ. Когда же имъ овладѣваетъ гнѣвъ или онъ зоветъ, или проклинаетъ — онъ становится похожъ на быстро закручивающуюся спираль, острый конецъ свой выбрасывающую къ небу. И тогда кажется, что въ движеніи своемъ, какъ вихрь, поднимающій сухіе листья, онъ подхватываетъ съ земли все, что кругомъ, и однимъ коротким взмахомъ бросаетъ его къ небу.
Голосъ его благороденъ и звученъ; и глубочайшей нѣжности полны его обращенія къ несчастнымъ дѣтямъ.

Царь Голодъ.

Дѣти! Милыя дѣти мои! Я услыхалъ ваши стоны и пришелъ. Бросьте работу! Подойдите ко мнѣ. Бросьте работу.

Останавливается выжидающе, озаренный краснымъ свѣтомъ раскаленной печи. И медленно собираются вокругъ него работающіе. Только трое изъ нихъ вступаютъ въ полосу свѣта и становятся видимы отчетливо, остальные же стоятъ грудою темныхъ тѣней; и только кое-гдѣ случайный лучъ выхватываетъ изъ мрака голое могучее плечо, поднятый молотъ, или суровый профиль.
И тѣ, которые видимы, таковы по своей внѣшности.

Первый рабочій — могучей фигурой своею и выраженіемъ крайней усталости походитъ на Геркулеса Фарнезскаго. Ширина обнаженныхъ плечъ, груды мус-

Digitized by Google

куловъ, собравшихся на рукахъ и на груди, говорятъ о необыкновенной, чрезмѣрной силѣ, которая уже давитъ и отягощаетъ обладателя ея. И на огромномъ туловищѣ — небольшая, слабо развитая голова съ низкимъ лбомъ и тускло покорными глазами; и въ томъ, какъ наклонена она впередъ, чувствуется какая-то тяжелая и мучительная бычачья тупость. Обѣ руки рабочаго устало лежатъ на рукояти громаднаго молота.

Второй рабочій — молодой, но уже истощенный, уже больной, уже кашляющій. Онъ смѣлъ — и робокъ; гордъ — и скроменъ до красноты, до заиканья. Начнетъ говорить, увлекаясь, фантазируя, грезя — и вдругъ смутится, улыбнется виноватой улыбкой. На землѣ онъ держится легко, какъ будто гдѣ-то за спиною у него есть крылья; и кашляя кровью, улыбается и смотритъ въ небо.

Третій рабочій — сухой, безцвѣтный старикъ, будто долго всю жизнь его мочили въ кислотахъ, съѣдающихъ краски. Также безцвѣтенъ и голосъ его; и когда онъ говоритъ, кажется, будто говорятъ милліоны безцвѣтныхъ существъ, почти тѣней.

Звукъ маленькихъ живыхъ молотковъ совершенно затихаетъ.

Царь Голодъ говоритъ властнымъ голосомъ:

— Слушайте, милыя дѣти мои! Я обошелъ все царство труда, царство голода и нищеты, безправія и гибели — все великое и несчастное царство мое. Кто видѣлъ Голодъ плачущимъ? А я плакалъ, дѣти мои, я плакалъ кровавыми слезами, глядя на несчастья вашихъ братьевъ. Горе, горе работающимъ!

Рабочіе отвѣчаютъ тихо:

— Горе!.. горе... горе работающимъ!

— И я принесъ вамъ привѣтъ отъ вашихъ братьевъ.

Digitized by Google

И я принесъ вамъ великій наказъ отъ вашихъ братьевъ: готовьтесь къ бунту!

Молчаніе. Бухаетъ молотъ.

— Готовьтесь къ бунту! Уже вѣетъ незримо надъ головою кровавое знамя его, и самъ, въ ночи, содрогаясь муками земли, стонетъ колоколъ всполоха. Я слышалъ его стонъ!

Молчаніе. Первый Рабочій кладетъ тяжелую руку на плечо Царя Голода, нѣсколько сгибая его, и говоритъ глухимъ, сильнымъ голосомъ, словно идущимъ изъ какой-то подземной глубины.

— Я рабочій. Я старъ, какъ земля. Я совершилъ всѣ двѣнадцать подвиговъ, чистилъ конюшни, срубалъ головы гидрѣ, точилъ землю и взрывалъ ее, строилъ города; и такъ измѣнилъ лице земли, что теперь не узналъ бы ея самъ Творецъ. И я не знаю, зачѣмъ я дѣлалъ это. Чью волю я творилъ? Къ какой цѣли я стремился? Моя голова тупа. Я усталъ смертельно. Меня гнететъ моя сила. Объясни же мнѣ, царь! А иначе я возьму мой молотъ и расколю эту землю, какъ пустой орѣхъ.

Угрожающе поднимаетъ молотъ.

Царь Голодъ.

Погоди, мой сынъ! Береги свои силы для послѣдняго великаго бунта. Тогда ты узнаешь все.

Рабочій угрюмо и покорно.

Я погожу.

Digitized by Google

Второй Рабочій приближается къ Царю Голоду и говоритъ возбужденно, показывая на перваго:

— Онъ ничего не понимаетъ, царь. Онъ думаетъ, что землю надо расколоть. Это такая неправда, царь. Земля прекрасна, какъ божій садъ. Ее нужно беречь и ласкать, какъ маленькую дѣвочку. Многіе изъ тѣхъ, что вонъ стоятъ въ темнотѣ, говорятъ, будто нѣтъ ни неба, ни солнца, будто на землѣ вѣчная ночь. Ты подумай: вѣчная ночь!

Кашляетъ.

Царь Голодъ.

Отчего, кашляя кровью, ты улыбаешься и смотришь въ небо?

— Оттого, что на моей крови вырастутъ цвѣты, и я уже вижу ихъ. У одной богатой и красивой дамы я видѣлъ на груди алую розу—она и не знала, что это моя кровь.

Царь Голодъ насмѣшливо.

Ты поэтъ, мой сынъ. Ужъ не пишешь ли ты стиховъ, по ихнему?

— Царь, царь, не смѣйся надо мною. Въ темнотѣ я научился поклоняться огню. Умирая, я понялъ, какъ прекрасна жизнь. О какъ прекрасна! Царь,—это будетъ большой садъ, и тамъ будутъ гулять, не трогая другъ друга, и звѣри и люди. Не смѣйте обижать звѣрей! Не смѣйте обижать человѣка! Пусть гуляютъ, пусть цѣлуются, пусть ласкаютъ другъ друга—пусть!

Добавляетъ печально:

— Но гдѣ путь? Гдѣ путь, объясни, Царь Голодъ.

Digitized by Google

Царь Голодъ твердо и мрачно.

Бунтъ.

Рабочій печально говоритъ:

Черезъ насиліе къ свободѣ? Черезъ кровь къ любви и поцѣлуямъ?

Царь Голодъ.

Другого пути нѣтъ.

Молчаніе. Тяжелые вздохи. Подходитъ Третій Рабочій, старикъ, и говоритъ безцвѣтнымъ голосомъ:

— Ты лжешь, Царь Голодъ. Такъ ты убилъ и отца моего, и дѣда, и прадѣда и насъ хочешь убить. Куда ты ведешь насъ, безоружныхъ? Развѣ ты не видишь, какіе мы темные и слѣпые и безсильные. Ты предатель. Это у насъ только ты царь, а у нихъ— ты лакей за ихнимъ столомъ. Это у насъ ты носишь корону, а у нихъ ты ходишь съ салфеткою.

Царь Голодъ кричитъ гнѣвно:

— Молчи! Ты выжилъ изъ ума!

Твердые голоса:

— Нѣтъ.
— Пусть говоритъ.
— Говори, старикъ.
— А ты, царь, слушай.

Царь Голодъ, извиняясь, мягко:

Простите, дѣти. Конечно, пусть говоритъ. Говори старичекъ, не бойся

Digitized by Google

— Я не боюсь. Я винтикъ изъ машины—мнѣ нечего бояться. А зачѣмъ ты обманываешь насъ? Зачѣмъ внушаешь намъ обманчивую вѣру въ побѣду? Развѣ побѣждалъ когда-нибудь голодный!

Царь Голодъ.

Да — но теперь побѣдитъ.

Голоса:

— Необходимо кончить.
— Такъ жить нельзя.
— Лучше смерть, чѣмъ эта жизнь.
— Другого пути нѣтъ.

Первый Рабочій.

Иначе я подниму мой молотъ...

Второй Рабочій.

А если есть другой путь?
— Какой?
— Говори! Какой!
— Онъ бредитъ!

Сближаются вокругъ Царя Голода и Первыхъ Рабочихъ.

Второй Рабочій мечтательно.

А если... попробовать... зажечь землю мечтами?

Смѣхъ. Второй Рабочій, волнуясь и спѣша, говоритъ:

Digitized by Google

— Погодите. Есть другой царь, не Царь Голодъ. (Испугавшись). Но я не знаю, какъ его зовутъ.

Смѣхъ. Царь Голодъ говоритъ покровительственно:

— Ты поэтъ, мой сынъ. Поэты же земли не зажигали никогда. И зажечь ее можетъ только одинъ могучій, одинъ великій и всесильный Царь Голодъ! Слушайте меня, дѣти мои!

Опустивъ голову, говоритъ угрюмо и сильно:

— Здѣсь вашъ старикъ назвалъ меня лакеемъ. Я разгнѣвался, ибо тяжко брошенное оскорбленіе, — но это правда. Да... Я лакей. Я прислужникъ у сытыхъ. Я наемный убійца въ ихъ рукахъ, палачъ, казнящій только безвинныхъ. О хитрый, о подлый человѣкъ, что сдѣлалъ ты со мною? Въ какое позорище превратилъ ты мой великій, мой первозданный тронъ!

Говоритъ нѣжно, ласкающимъ голосомъ:

— О дѣти, о милыя дѣти мои! Посмотрите на лѣсъ, загляните въ глубины рѣкъ, морей и болотъ, гдѣ еще царствую я безпредѣльно — какъ тамъ прекрасно! Все движется, все растетъ, одѣвается силой и красками, стремится стать радугой и божествомъ — какъ тамъ прекрасно! И тамъ много труповъ, но нѣтъ убитыхъ, нѣтъ безвинно казненныхъ — ибо я царь Справедливости въ великомъ царствѣ моемъ!

Загорается гнѣвомъ.

— А здѣсь? О хитрый, о подлый человѣкъ! Ничтожный, сытый, сидитъ, распустивши слюни, и гоняетъ меня по свѣту, какъ бѣшеную, но послушную собаку. Царь Голодъ, туда! Царь Голодъ, сюда! Убей тѣхъ! Обезсиль этихъ! Истреби младенцевъ и

Digitized by Google

женщинъ! Отними красоту и мощь у прекраснаго тѣла, и пусть надъ міромъ буду только я, сытый, ничтожный, дряблый. Мнѣ не хочется ѣсть, такъ засунь же мнѣ въ глотку баранью ногу, пропихни ее въ мое толстое чрево! И я засовываю, засовываю — и салфеткой вытираю сальныя губы!

Работающіе хохочутъ, и Царь Голодъ вторитъ имъ гнѣвно. И продолжаетъ:

— Какъ смѣлъ ты извратить мою волю, о подлый, о хитрый человѣкъ! — Голодные — со мною противъ сытыхъ! Вернемъ человѣку его мощь и красоту, бросимъ его снова въ потокъ безпредѣльнаго движенія! Со мною, голодные!

Мечется по кругу.

— Кто сказалъ, что вы слабы? Вы сила земли. Развѣ ты слабъ?

Ошибаясь, схватываетъ за плечо старика, и тотъ шатается безсильно.

— Да, я ошибся. Ты слабъ. А ты, а ты, мой другъ?

Хватаетъ за руку Перваго Рабочаго. Любуется имъ.

— Развѣ это не сила? Развѣ это не красота? Посмотрите на него. На эти мышцы, на эту грудь! Милый сынъ мой, ты достоинъ быть царемъ, а ты только рабъ. Дай твою руку, я поцѣлую ее.

Порывисто бросается на колѣни и цѣлуетъ тяжелую, вялую руку.

Первый Рабочій.

Я ничего не понимаю.

Digitized by Google

Голоса:

— У нихъ оружіе!
— У нихъ пушки, отлитыя нами!
— У нихъ инженеры.
— Ученые.
— У нихъ власть, и сила, и умъ!

Царь Голодъ прислушивается, вытянувъ шею.

— У нихъ машины!
— Страшныя машины!
— Мудрыя машины!

Топнувъ ногою, Царь Голодъ кричитъ гнѣвно:

— Такъ уничтожьте ихъ! я ненавижу машины! Онѣ лгутъ, онѣ обманываютъ, онѣ порабощаютъ васъ. Разбейте ихъ!
— У нихъ пушки!
— Такъ отнимите ихъ!

Первый Рабочій.

А кто будетъ управлять? Мы не умѣемъ, царь!

Царь Голодъ, полный бѣшенаго гнѣва, вдругъ кричитъ властно, въ безуміи:

— Молчите!

И когда все стихаетъ, онъ говоритъ напряженно сквозь зубы, еле сдерживая клокочущій гнѣвъ:

— Безумцы! Пушки нужны имъ, а не вамъ. Отнимите ихъ только, и они станутъ безсильны и кротки, какъ домашнія животныя, они будутъ плакать и молить васъ о пощадѣ.

Digitized by Google

— Это правда!

— Отнимите пушки — и къ вамъ на службу придутъ инженеры и ученые и вы станете господами земли!

— Это правда!

— Нѣтъ, это ложь. Братья, готовится новое предательство!

— Нѣтъ, это правда!

Царь Голодъ.

Къ бунту, дѣти мои! На улицы! Ломайте машины, рѣжьте ремни, заливайте котлы — на улицы! Къ бунту, дѣти мои. Васъ зоветъ великій и несчастный царь!

Голоса:

— На улицы!

— Мы боимся!

— Насъ убьютъ!

— На улицы!

— Такъ жить нельзя. Долой трусовъ!

— Ломайте машины!

— Мы боимся!

— Боимся!

— Пощади насъ, Царь Голодъ. Мы такъ боимся!

Царь Голодъ властнымъ движеніемъ руки возстанавливаетъ тишину и, весь озаренный краснымъ отсвѣтомъ горна, говоритъ съ холодной и безнадежной свирѣпостью:

— Вы боитесь, дѣти? Пусть такъ. Но послушайте же меня, трусы. Не съ пальмовой вѣтвью мира пришелъ я къ вамъ — я къ вамъ присланъ для убійства. Вы не хотите остановить машинъ — тогда остановлю ихъ я. Вы не хотите бросить работу, — тогда заставлю бросить я. И я пойду отсюда за вами — я ворвусь въ ваши жилища, я передушу вашихъ младенцевъ, я

Digitized by Google

выжму послѣднее молоко изъ грудей вашихъ женъ и матерей — и убью ихъ. И надъ ихъ трупами вы заплачете горькими слезами!

Кричитъ свирѣпо:

— Смерть! сюда!

Среди молчанія, въ жуткой тишинѣ, трижды раздается хриплый звукъ рога, сперва дальше, потомъ все ближе и ближе. Тухнутъ, точно залитые мракомъ, дальніе горны, и позади рабочихъ, въ углу, встаетъ что-то огромное, черное, безформенное.

— Это ты, Смерть?

Молчаніе и сухой, недовольный отвѣтъ:

— Да — это я.

Работающіе робко жмутся другъ къ другу, освобождая уголъ, въ которомъ чернымъ и безформеннымъ пятномъ возвышается Смерть.

Царь Голодъ.

Вы слышали? Она уже здѣсь. Она уже стоитъ надъ вами и ждетъ послушно. Одно движеніе, одинъ лишь знакъ — и черною тучею она ринется на ваши дома, безжалостная, и изобьетъ вашихъ женъ и дѣтей. Вы знаете, что это значитъ, когда по темнымъ улицамъ длинною вереницею несутъ гробы—маленькіе гробики—крошечные гробики — деревянныя тихія колыбельки?

Суровое молчаніе.

Digitized by Google

— Рѣшайте же, трусы: для кого смерть, для кого гибель? Для васъ или для дѣтей вашихъ? Скорѣе. Она ждетъ.

Молчаніе.

Первый рабочій рѣшительно:

Для насъ.

Второй рабочій.

Для насъ, для насъ!

Многочисленные суровые, покорные, восторженные голоса:

— Для насъ! Для насъ! Бери насъ, Смерть. Побѣда или Смерть! Смерть!

Съ крикомъ бросаются къ ногамъ неподвижной Смерти. И озаренный краснымъ свѣтомъ горна, охвативъ голову руками, громко, въ безумномъ отчаяніи и восторгѣ рыдаетъ Царь Голодъ.

Опускается занавѣсъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ЦАРЬ ГОЛОДЪ ПРИЗЫВАЕТЪ КЪ БУНТУ ГОЛОДНУЮ ЧЕРНЬ.

Ночь.

Подобіе черной, плоской, уходящей въ высь стѣны. На самомъ верху ея, видимыя только на двѣ трети нѣсколько очень большихъ оконъ съ зеркальными стеклами. Окна очень ярко освѣщены — тамъ происходитъ балъ. Сквозь полупрозрачныя гардины и сѣтку тропическихъ растеній видно неопредѣленное движеніе; иногда танцующая пара проносится близко, и тогда на мгновеніе мелькаетъ черный костюмъ мужчины, бѣлое платье и бѣлыя голыя плечи женщины. Съ рѣдкими перерывами играетъ красивая, нѣжная музыка; и только разъ, на короткое время, она играетъ тотъ мотивъ, что играется на Балу у Человѣка. Случается разъ или два во время картины, что кто-нибудь очень красивый подходитъ къ окну и неопредѣленно смотритъ въ темноту улицы; или молодая, красивая, влюбленная пара скрывается за гардины и предается нѣжнымъ быстролетнымъ ласкамъ.

Внизу стѣны, видимое въ разрѣзѣ, подвальное помѣщеніе дома. Сводчатые потолки очень низки и, точно раздавленное огромною тяжестью дома, помѣщеніе имѣетъ форму сплюснутаго полу-овала. Похоже немного на сплюснутое тяжестью камня жерло

Digitized by Google

большой печи. Освѣщено оно нѣсколько висячими лампами; въ общемъ, свѣтъ слабѣе, чѣмъ въ верхнихъ господскихъ окнахъ, но достаточно ярокъ, чтобы съ полною ясностью можно было разсмотрѣть все, находящееся внутри.

Въ углахъ помѣщенія и въ дальнемъ концѣ его валяется всякая рухлядь: пустыя, полуразсыпавшіяся бочки безъ обручей, какія-то доски, деревянныя козла и т. п. — повидимому, для жилья оно не служитъ. Посрединѣ длинный столъ, и за нимъ, на боченкахъ и доскахъ, но въ строгомъ и чинномъ порядкѣ сидятъ собравшіеся представители голодной черни и съ нѣсколько зловѣщей точностью пародируютъ настоящее дѣловое засѣданіе. Есть чернильница и звонокъ, и даже предсѣдатель, который, пошатываясь, сидитъ на высокомъ боченкѣ.

Всего собралось человѣкъ двадцать. Это уличныя дешевыя проститутки, хулиганы и ихъ подруги, сутенеры, мелкіе воры, убійцы, нищіе, калѣки и другіе отбросы большого города, все самое ужасное, что можетъ дать нищета, порокъ, преступленіе и вѣчный неутолимый душевный голодъ. Только у двухъ-трехъ, въ томъ числѣ у одной дѣвочки, ихъ лица и костюмъ походятъ на обыкновенныя человѣческія лица и платья; остальные — сплошное, дикое и злое уродство, только смутно напоминающее человѣка. Почти полное отсутствіе лба, уродливое развитіе черепа, широкія челюсти, что-то скотское или звѣриное въ походкѣ и движеніяхъ дѣлаютъ ихъ существами какъ бы совсѣмъ особой расы. Одѣты фантастически и грязно, и только сутенеры щеголяютъ нелѣпо франтовскими нарядами, пестрыми галстухами и даже тщательно расчесанными проборами на головахъ микроцефаловъ. Нѣкоторыя лица очень темны; другія очень красны; и есть нѣсколько зловѣщихъ лицъ, блѣдныхъ смертельно, совершенно бѣлыхъ, съ яркими пятнами румянца на скулахъ.

Предсѣдатель — толстый, низкій, съ вылупленными

Digitized by Google

глазами и остроконечнымъ лысымъ черепомъ походитъ на задыхающуюся пьяную жабу. Лицо красное.

Предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ и говоритъ, задыхаясь, но очень миролюбиво:

— Всѣ... получили... повѣстки?

— Никто не получалъ.

— Ну, все равно, засѣданіе состоится и безъ повѣстокъ. Итакъ, госпожи проститутки... и стервы, господа... хулиганы, карманники, убійцы и сутенеры... объявляю засѣданіе открытымъ. И первымъ дѣломъ, какъ предсѣдатель... прошу гг. членовъ откровенно сознаться: кто принесъ съ собою водку?

— Я.

— И я. А тебѣ не дамъ.

— У всѣхъ есть.

— Э... это не хорошо. Тутъ пить нельзя, а кто хочетъ, пусть отойдетъ въ тотъ уголъ, за бочку, тамъ буфетъ. И пожалуйста, прошу, чтобы за столомъ не спали: вонъ дама уже храпитъ. Эй, дама! Секретарь, дайте дамѣ по шеѣ!

— Вставай, дьяволъ!

— Къ чорту женщинъ!

— Къ дѣлу.

— Ахъ, какъ же можно безъ дамъ. Дамы украшаютъ, такъ сказать.

— Молчи, сутенеръ!

— Воръ!

Предсѣдатель.

— Ну, и это не хорошо. Г. воръ! г. сутенеръ! Тутъ всѣ равны. Ну и дамы тоже...

Удивленно таращитъ кверху глаза и вдругъ кричитъ:

— Эй, музыка тамъ, замолчи! — Она не молчитъ. Къ чорту предсѣдателя!

Digitized by Google

— Это почему?

— Онъ пьянъ. Надоѣлъ. Къ дѣлу! Онъ пьянъ.

— Ну и это не хорошо говорить такъ. Развѣ я тутъ пилъ? Я раньше напился. Но если всѣ хотятъ...

— Всѣ! Всѣ!

— Ну и чортъ съ вами!

Уходитъ въ уголъ и тамъ пьетъ, доставъ бутылку изъ кармана. На предсѣдательское мѣсто рѣшительно и быстро вскакиваетъ Молодой Хулиганъ съ смертельно блѣднымъ, безкровнымъ лицомъ и черными закрученными усиками. Повидимому, онъ считается очень красивымъ и знаетъ это, потому что сильно рисуется и кокетничаетъ. Но минутами все это соскакиваетъ, и тогда въ звѣриномъ оскалѣ зубовъ, въ блѣдномъ лицѣ, въ томъ, какъ нѣжно и томно щурятся маленькіе острые глазки, чувствуется безпощадная свирѣпость, безграничная плоскость и обнаженность души, полное отсутствіе чего бы то ни было сдерживающаго. Говоритъ нѣсколько грассируя.

— Прошу молчать. Я предсѣдатель.

— А кто тебя выбралъ?

— Самъ выскочилъ.

— Нѣтъ, это хорошо. Онъ можетъ...

Предсѣдатель, свирѣпо оскаливъ зубы.

Молчать! Тихо! (Продолжаетъ томно и нѣжно) Тутъ у нѣкоторыхъ есть ножи... Кто будетъ спорить противъ избранія, шумѣть, нарушать порядокъ, того я просилъ бы сходить къ попу и исповѣдаться въ грѣхахъ...

Довольный смѣхъ.

— Молчать! Эй, посадить того пьяницу на мѣсто.

— Тутъ буфетъ.

Digitized by Google

Пьянипу, бывшаго предсѣдателя, бьютъ и сажаютъ на мѣсто.

— Ну и сѣлъ.

— Молчать! Ставится на обсужденіе вопросъ о необходимости всеобшаго разрушенія.

— Какъ?

— Всеобщаго разрушенія. Ораторовъ прошу записаться въ очередь. Женщинъ и пьяныхъ прошу говорить только по спеціальному приглашенію предсѣдателя. Тихо! Кто имѣетъ сказать?

Встаетъ одинъ.

— Я предложилъ бы подождать Отца.

Предсѣдатель мрачно:

— Это зачѣмъ?

— Онъ созвалъ насъ сюда.

— Да, вѣрно.

— Подождать!

— Молчать! Съ мѣста не говорить. Неизвѣстно, когда придетъ Отецъ, а намъ ждать нельзя. У многихъ сегодня ночью дѣла. Предлагаю приступить къ преніямъ.

— Виноватъ: очень мѣшаетъ музыка и топотъ танцующихъ.

— Пусть танцуютъ. Музыка достаточно красива, чтобы вдохновить ораторовъ. Вамъ что угодно?

— Я желалъ бы сказать первый. Сегодня ночью мнѣ и моему уважаемому товарищу предстоитъ вырѣзать цѣлую семью. Вы понимаете, г. предсѣдатель, что этотъ трудъ потребуетъ много времени, и я...

— Понимаю. Прошу.

Ораторъ начинаетъ сладкимъ голосомъ:

— Уважаемое собраніе! Не осмѣливаюсь сказать высокое собраніе, такъ какъ, находясь въ подвалѣ...

Digitized by Google

— Короче.

— Слушаю-съ. Когда я родился...

Предсѣдатель гнѣвно:

— То родился дуракъ. Вамъ предстоитъ вырѣзать цѣлую семью, а вы начинаете съ рожденія, какъ членъ парламента.

— Но и члены парламента...

— Прошу подчиниться. Вообще предлагаю говорить не долѣе 2-хъ минутъ. У кого-нибудь есть часы, я свои забылъ дома.

Одинъ изъ членовъ вынимаетъ изъ кармана десятокъ часовъ и кладетъ на столъ:

— Есть.

— Благодарю васъ. Достаточно однихъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ задержекъ предлагаю въ рѣчахъ ограничиться только предложеніемъ способовъ разрушенія, такъ какъ мотивы извѣстны.

— Нѣтъ, не всѣмъ. Пусть говорятъ.

— Какъ танцуютъ! Они полъ провалятъ на наши головы.

— Имъ весело.

— Ничего. Скоро будутъ плакать.

— А мы танцовать!

— Молчать! Итакъ, предлагаю: двѣ минуты — о мотивахъ разрушенія. Двѣ — о способахъ такового Прошу начать.

Ораторъ съ темнымъ лицомъ глухо говоритъ:

— Мы голодны, и какъ собаки, выброшены въ ночь. Насъ ограбили, у насъ отняли все: силу, здоровье, умъ, красоту...

— А ихъ женщины красивы!

— И мужчины тоже.

Digitized by Google

— Молчать!

— Мы безстыдны, безбожны, безсовѣстны и на всей землѣ у насъ нѣтъ ничего. Мы хуже скотовъ, потому что когда-то были людьми. И я предлагаю (указываетъ наверхъ): разрушить, уничтожить, стереть съ лица земли. Способъ: предлагаю отравить ихній водопроводъ.

— А гдѣ мы возьмемъ столько яду?

— Мы ограбимъ аптеки.

— Глупости. Мы сдохнемъ сами.

— Мы будемъ пить изъ рѣки. А если и издохнемъ...

— Я не хочу умирать.

— Къ чорту! Не годится. Слѣдующій!

По близости раздается трижды протяжный, хриплый звукъ рога, предвѣщающій приближеніе Смерти. Никто однако его не слышитъ. Встаетъ ораторъ, старикъ съ краснымъ лицомъ.

— Я замѣтилъ, что вся ихъ сила (указываетъ наверхъ) въ книгахъ. Когда человѣкъ прочтетъ много книгъ, онъ становится умный. А когда онъ становится умный, онъ начинаетъ грабить, и съ нимъ ничего не подѣлаешь. Тогда у него дѣлается особенное лицо, и рѣчь, и платье, а мы остаемся въ дуракахъ, и изъ насъ какъ насосомъ выкачиваютъ жизнь. И я предлагаю: уничтожить ихнія книги. Я ненавижу книги. Когда мнѣ попадается одна, мнѣ хочется ее бить, плевать ей въ рожу, топтать и говорить: сволочь! сволочь!..

— Но какъ уничтожить?

— Вы глупы, ораторъ. Они напечатаютъ вновь.

— Еще больше!

— Книгъ такъ много!

— Довольно! Голосованіе потомъ. Слѣдующій ораторъ.

— Я предлагаю...

Digitized by Google

Пьяница, бывшій предсѣдатель, валится со стула. Одновременно съ этимъ входитъ Смерть и садится на свободное мѣсто. Вверху — веселая музыка и кто-то красивый подходитъ къ окну и неопредѣленно всматривается въ темноту улицы.

При свѣтѣ можно разсмотрѣть лицо Смерти. Оно маленькое, сухое, темное, съ большими темными провалами глазъ и постоянно обнаженными крупными зубами, похожими на бѣлые клавиши рояля. Очень спокойное.

Пьяницу осматриваютъ.

Предсѣдатель.

Издохъ. Отволоките его въ уголъ.

Трупъ грубо оттаскиваютъ въ уголъ и тамъ лежитъ онъ все время, выпятивъ круглый животъ, подошвами къ зрителямъ.

— Прошу на мѣста. Кто это плачетъ?

— Его любовница.

— Его любовница? Сударыня, и вы могли любить эту свинью? Прошу васъ замолчать однако. Иначе велю вывести. Молчать!

— Я не буду.

— Прошу оратора продолжать.

— Я предлагаю, извините... Тутъ есть садъ съ звѣрями, съ тиграми... Я предлагаю: взломать клѣтки и выпустить звѣрей.

— Это глупо. У нихъ есть ружья, дома,—васъ слопаютъ перваго...

— Ну хоть попугать.

— А зачѣмъ это нужно?

— Такъ, весело очень. А потомъ—говоритъ нѣжнымъ голосомъ — тамъ въ саду бываютъ ихнія дѣточки, такъ вотъ можетъ хоть одного ребеночка... дѣточку... Посмотрѣть бы.

Digitized by Google

— Это бы—и я посмотрѣлъ.
— Мнѣ нравится.

Плаксиво шмурыгаетъ носомъ и проситъ:

— Одного бы... дѣточку...
— Вѣрно! Вѣрно! Нужно уважить старика.

Предсѣдатель гнѣвно:

— Молчать! Что намъ одинъ ихній ребенокъ, десятокъ, сотня. Долой нѣжности! Необходимо дѣло. Предлагайте! Предлагайте!

Всѣ растерянно переглядываются, безсильные что-либо придумать. Отдѣльные вскрики:

— Бить ихъ на улицахъ!
— А полиція?
— Собраться въ дружины и...
— Мы раньше перегрыземся сами.
— Вотъ что! Слушайте. Да слушайте же! Заразить ихъ нашими болѣзнями.
— Сифилисомъ!
— Тифомъ!
— Холерою!

Предсѣдатель.

Вздоръ! У нихъ есть доктора. На тысячи нашихъ ихнихъ подохнетъ только одинъ. Да ищите же! Неужели мы такъ безсильны.
— Проклятыя книги!
— Что дѣлать?
— Танцуютъ.
— Гдѣ же Отецъ?
— Мы безсильны! Проклятые! Танцуютъ. Гдѣ Отецъ?

Digitized by Google

Всѣ, за исключеніемъ спокойно сидящей Смерти, вскакиваютъ и, смѣшавшись въ груду разъяренныхъ тѣлъ, протягиваютъ къ низкому, давящему своду угрожающія руки.

— Проклятые!
— Танцуйте! Танцуйте!
— Мы придемъ къ вамъ. Открывайте двери, мы придемъ къ вамъ.
— Передушимъ вашихъ дѣтей!
— Проклятые!
— Сожжемъ ваши книги!
— Принесемъ вамъ и сифилисъ, и холеру, и тифъ!
— Проклятые!

Безсильный и злобный скрежетъ зубовъ. Быстро входитъ Царь Голодъ.

— Дѣти мои!

Всѣ со стонами, съ плачемъ, съ рыданіями и визгомъ бросаются къ нему, окружаютъ, падаютъ на колѣни, ловятъ его руки. Образуется группа: въ центрѣ, возвышаясь, Царь Голодъ, и у ногъ его, дрожащіе, прижимаются къ нему несчастные. Въ сторонѣ остаются только Смерть и Предсѣдатель-Хулиганъ. Онъ сложилъ руки на груди и презрительно смотритъ на стонущихъ.

Царь Голодъ.

Дѣти мои! Любимыя дѣти Голода! Несчастныя дѣти мои!

Гладитъ по склоненнымъ головамъ. Все стонетъ. Отдѣляется одинъ и, стоя на колѣняхъ, говоритъ дрожащимъ запинающимся, картавымъ голосомъ, какъ ребенокъ.

Digitized by Google

— Отецъ! Посмотри, что они сдѣлали со мною! Отецъ!

Плачетъ, утираетъ слезы и продолжаетъ:

— Отецъ, посмотри, какой у меня низенькій лобъ. Я не могу думать, Отецъ. Посмотри на мои глазки — развѣ это глаза? Въ нихъ ничего не видно. Они всего съѣли меня, Отецъ. Отъ меня ничего не осталось, Отецъ. Я плакать буду.

Плачетъ.

— Почему онъ плачетъ одинъ? Развѣ мы лучше?
— Развѣ ему хуже, чѣмъ намъ?
— Будемъ плакать! Будемъ плакать!
— Положи руку на мою несчастную голову. Я ребенка убила.
— Приласкай меня, Отецъ!
— Пожалѣй!
— Несчастные мы!—Забытые!

Плачутъ. И закрывъ руками лицо, плачетъ самъ Царь Голодъ.

Бѣдные! Бѣдные! — говоритъ онъ сквозь слезы.

Всѣ слова, стоны и рыданія сливаются въ одинъ протяжный вопль, полный невыносимой, подземной тоски. Музыка вверху, точно испугавшись, играетъ красиво и печально. И презрительно, сложивъ руки на груди, смотритъ на плачущихъ Предсѣдатель.

— Довольно, дѣти! — говоритъ Царь Голодъ, очнувшись.

Предсѣдатель.

Да. Я думаю, что довольно хныкать. Отецъ,

Digitized by Google

простите меня, но вы внесли безпорядокъ въ наше собраніе. Мы люди занятые, намъ некогда.

Царь Голодъ.

Продолжайте засѣданіе.

Предсѣдатель.

Вамъ принадлежитъ предсѣдательское мѣсто.
— Останьтесь на немъ вы. Я буду только гостемъ.

Польщенный Предсѣдатель кланяется.

— На мѣста! Молчать! Кто еще плачетъ? Закройте шлюзы, иначе выгоню!

Всѣ, вздыхая, разсаживаются. Царь Голодъ садится возлѣ Смерти.

— И ты тутъ?

Смерть.

Да, — дѣло было.

Царь Голодъ.

Вонъ тотъ, въ углу?

Смерть.

Да, — и еще будетъ.

Предсѣдатель звонитъ.

— Засѣданіе продолжается. — Кто имѣетъ сказать?

Digitized by Google

Встаетъ маленькая дѣвочка; у нея очень блѣдное тонкое лицо и большіе черные печальные глаза. Оправляетъ платьице. За нѣсколько времени до ея рѣчи, произносимой очень нѣжнымъ дѣтскимъ голоскомъ, но безъ смущенія, наверху, у освѣщеннаго окна, происходитъ слѣдующее: отодвигаются гардины и входятъ двое: молодая дѣвушка съ обнаженной гордой шеей, на которой легко и строго сидитъ красивая задумчивая головка, и черезъ мгновеніе, слѣдомъ за нею, влюбленный юноша. Онъ любитъ ее красивою и чистой любовью, а она?.. быть можетъ, любитъ, быть можетъ, нѣтъ. Стоитъ, опустивъ рѣсницы, прекрасная и гордая; и вдругъ быстро пожимаетъ ему руку, и вдругъ, какъ солнце, озаряетъ его кроткимъ сіяющимъ взглядомъ, и свѣтлой тѣнью выскальзываетъ изъ-за свѣтлыхъ гардинъ. Онъ протягиваетъ за ней руки; но ея нѣтъ; и полный счастья, быть можетъ, слезъ, обращаетъ онъ къ темной улицѣ свое поблѣднѣвшее лицо.

А внизу:

Предсѣдатель.

Ты, дѣвочка? Развѣ ты умѣешь говорить?

Дѣвочка.

Да. Я хочу сказать тоже. Можно?

Царь Голодъ, удивленно.

Чей это ребенокъ?

— Я не ребенокъ. Я блудница. Мнѣ сейчасъ двѣнадцать лѣтъ, хотя на видъ я кажусь нѣсколько старше. А когда мнѣ было десять, мамаша продала меня одному господину (показываетъ наверхъ) за 20 рублей и бутылку водки. Это недорого, но мамаша тогда была неопытна, такъ какъ я первая ея дочь;

Digitized by Google

остальныя пошли дороже. Сестричка Лизанька, которая удавилась...

Предсѣдатель.

Говори только о себѣ. Намъ некогда.

Дѣвочка.

Хорошо — я такъ только, вспомнила. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже два года, я каждую ночь имѣю одного или двухъ мужчинъ, но платятъ они недорого. И деньги мои — вѣдь это мои деньги? — я отдаю моему любовнику, чтобы онъ не такъ билъ меня...

Встаетъ рослый франтъ съ рыжими усами, и хрипло, съ самодовольствомъ подтверждаетъ:

— Это я.

— Молчать! Продолжай, но короче.

— Что же еще? Ахъ, да. Я научилась пить водку; я и теперь пьяна, но только немного. Что же еще? Ахъ, да. У меня очень болитъ сердце.

Садится. Царь Голодъ поднимаетъ голову кверху и говоритъ тихо, сквозь зубы:

— Вы слышите, проклятые!

Предсѣдатель.

Дѣвочка, встань. Чего же ты хотѣла бы для нихъ?

Дѣвочка встаетъ и оправляетъ платьице.

— Я желала бы, чтобы всѣ они умерли.

Digitized by Google

Digitized by Google

Подходятъ трое и, среди молчанія, поднимаютъ мертваго и держатъ его стоя. Голова мертвеца свѣсилась, колѣни подогнуты.

Суровый голосъ:

Теперь всѣ.

Предсѣдатель говоритъ торжественно, протянувъ руку кверху:

Присуждены къ смерти единогласно. — Прошу садиться.

Царь Голодъ, Смерти тихо.

Послушай, тебѣ нельзя вставать.

Смерть.

Убирайся!

Предсѣдатель.

Но чтобы впослѣдствіи не заслужить упрека въ несправедливости и соблюсти всѣ необходимыя...

Запинается. Царь Голодъ подсказываетъ:

— ...Процессуальныя.

— Да, я знаю... Процессуальныя формы, я предложилъ бы кому-нибудь изъ присутствующихъ взять на себя ихъ защиту. Кто желаетъ?

Молчаніе. Подозрительно и хмуро оглядываютъ другъ друга. И внезапно дружный веселый хохотъ.

Digitized by Google

Голоса:

— Онъ остроуменъ!
— Защищай самъ!
— Къ дьяволу ихъ!
— Молчать! Итакъ, никто изъ присутствующихъ...

Встаетъ старая пьяная женщина.

— Вотъ только на счетъ дѣтей. Дѣтей бы не нужно убивать.

Вскакиваетъ худой, длинноволосый, съ близорукимъ ошалѣлымъ взглядомъ:

— Ну, да: не надо дѣтей, а потомъ не надо женщинъ. А дѣти вырастутъ, а женщины нарожаютъ новыхъ... Это, тетка, называется гуманизмъ; намъ, тетка, это не къ лицу... Дѣтей!

— Ну, не знаю, какъ хотите. Я думала... а можетъ и ваша правда. Я не знаю.

Поднимается беззубый, бритый. Лицо и лысина ярко краснаго цвѣта, носъ синій; и говоритъ онъ вкрадчиво:

— Какъ бывшій юристъ, я осмѣлюсь, однако, предложить на разсмотрѣніе такой казусъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при такъ называемыхъ волненіяхъ или народныхъ бѣдствіяхъ, одному изъ членовъ нашей почтенной корпораціи приходится вступить въ интимныя отношенія съ одной изъ тѣхъ (указываетъ на верхъ) дамъ или дѣвицъ, результатомъ чего является плодъ. Такъ какъ же полагаетъ собраніе относительно дѣтей, родящихся отъ подобнаго морганатическаго брака? Убивать также или оставлять нѣкоторымъ образомъ на сѣмя? для обсѣмененія, такъ сказать, человѣчества?

Digitized by Google

Предсѣдатель.

Это къ дѣлу не относится.

— Виноватъ-съ. Какъ бывшій юристъ...

Садится.

Предсѣдатель.

Вопросъ о средствахъ. Здѣсь, Отецъ, обсуждался вопросъ о средствахъ, какъ уничтожить... А гдѣ же тотъ, которому нужно вырѣзать семью?

— Онъ очень извиняется. Онъ ушелъ.

— И вотъ, какъ разъ передъ вашимъ приходомъ, Отецъ, мы пришли къ очень грустному выводу: мы безсильны!

Царь Голодъ.

Вы безсильны!

— Да.

— Вы! Кто же тогда силенъ, если не вы, любимыя дѣти Голода!

— Но мы не можемъ причинить имъ настоящаго вреда.

— Вы! Да развѣ теперь, спокойно сидя здѣсь, въ подвалѣ, вы не являетесь тѣмъ мракомъ, который гаситъ ихъ огни? Развѣ, издыхая, не источаете вы ядъ, который отравляетъ ихъ? Вы почва города, вы первооснова ихъ жизни, вы щиплющійся коверъ, къ которому прилипаютъ ихъ ноги. Великій мракъ идетъ отъ васъ, дѣти мои, и безнадежно трепещутъ во мракѣ ихъ жалкіе огни.

Предсѣдатель гордо.

Это правда.

Digitized by Google

Голоса:

— Но это мало!
— Ихъ нужно истребить!
— Отравить воду!
— Научи, Отецъ! Мы ждали тебя. Не оставь дѣтей.
— А иначе къ чорту!
— Танцуютъ проклятые!

Предсѣдатель.

Молчать!

Царь Голодъ встаетъ.

Вамъ мало этого? Вы недовольны? Такъ слушайте, дѣти мои: готовится великій бунтъ!

Голоса:

— Ого!
— Бунтъ!
— Горячая потѣха! Хо-хо-хо!
— Запасайтесь спичками.
— Спички дешевы!
— Народное бѣдствіе. Въ это время не платятъ страховыхъ премій.
— Огонь!
— Будетъ свѣтло. Хо-хо-хо!
— Молчать!
— Но ждите, дѣти мои. Пробѣгутъ короткіе дни и Время снова ударитъ въ колоколъ всполоха. И тогда — на улицы, въ дома!

Стонутъ отъ восторга и скрежещутъ зубами.

— Молчать!
— А пока — выползайте понемногу изъ вашихъ

Digitized by Google

норъ. Черными тѣнями легонько крадьтесь средь народа — и насилуйте, убивайте, крадьте и смѣйтесь, смѣйтесь! Уже легче стало дышать, уже пахнетъ гарью и свободнѣе выходитъ наружу звѣрь—близится ночь. А когда ударитъ колоколъ...

Полный безпорядокъ. Крики восторга, шумъ, дикій свистъ. Кто-то въ безуміи кружится, какъ юла, падаетъ на полъ и хохочетъ. Прорѣзаются отдѣльные возгласы:

— На улицы!
— Въ дома! Въ ихъ спальни!
— Будемъ жечь! жечь!

Восторженный визгъ.

— Я буду много кушать.

Протяжный дикій свистъ.

— Сожжемъ весь городъ!
— Главное — книги! Книги, книги, книги!
— Будемъ дробить головы.
— Да здравствуетъ Смерть!

Смерть встаетъ и серьезно кланяется.

— Ага, проклятые! Дождались! — Танцуютъ! — Скоро, скоро.
— Туда, наверхъ.

Какъ сухой лѣсъ тянутся кверху худыя, угрожающія руки. Свистъ.

— Дождались. Ага! Скоро, скоро. Танцуйте, проклятые!
— Да здравствуетъ Смерть!

Digitized by Google

Смерть снова встаетъ и серьезно кланяется. Шумъ нѣсколько тише. Предсѣдатель, съ ярко горящими пятнами румянца на скулахъ, жметъ руку Царю Голоду.

— Спасибо, Отецъ.
— Много прольешь ты крови, сынокъ.
— Много, Отецъ.
— Танцовать!

Восторженный визгъ:

— Я буду много кушать!
— Танцовать!
— Музыка безплатная.
— Пока внизу.
— А тамъ и наверхъ!

Предсѣдатель вскакиваетъ на боченокъ и кричитъ:

— Тише!

Продолжаетъ нѣсколько рисуясь:

— Г.г., я предлагаю, пользуясь тѣмъ, что музыка безплатна, устроить легкій балъ. Думаю, что присутствующія дамы и дѣвицы одобрятъ мое предложеніе.

Радостный визгъ.

— А что вы скажете, Отецъ?

Царь Голодъ громко.

Да. Они танцуютъ — будемъ танцовать и мы. Сольемъ наше веселье — пусть пляшетъ вся земля! Танцуйте, дѣти!
— Танцовать! Берите дамъ!

Digitized by Google

— Пусть Отецъ дирижируетъ.
— Отецъ, Отецъ!

Хохотъ. Обступаютъ Отца. Онъ, также смѣясь, добродушно отнѣкивается. Получается дикое сходство съ обыкновенной мѣщанской вечеринкой.

— Да я и танцовать-то не умѣю. Ей-Богу! Постойте, постойте, постойте, куда тащите старика.
— Просимъ. Отца! Отца!
— Вотъ развѣ она? — указываетъ на Смерть.

Смерть сердито.

Убирайся!
— Ну, пожалуйста, ну милый, ну Отецъ!
— Ну, хорошо. Ну а за даму можешь быть?

Смерть.

Да — это могу.

Музыка вверху играетъ кадриль. Становятся въ пары. Царь Голодъ со Смертью.

Царь Голодъ.

Retournez. La première figure! Commencez.

Танецъ Смерти.

Всѣ танцуютъ ухарски, съ вывертами, съ гиканьемъ, съ громкимъ притаптываніемъ ногами. Смерть вначалѣ нѣсколько жеманится и томно кладетъ голову на плечо къ кавалеру, но постепенно расходится и начинаетъ канканировать.

Digitized by Google

Царь Голодъ громко.

Смерть solo!

Всѣ съ хохотомъ останавливаются, и Смерть танцуетъ одна. Съ совершенно серьезнымъ и неподвижнымъ лицомъ, оскаливъ бѣлые зубы, она стоитъ на одномъ мѣстѣ и выдѣлываетъ ногою, слегка присѣдая, два—три движенія, выражающихъ ея крайнее веселіе. Голову она кокетливо и медленно поворачиваетъ со стороны въ сторону, какъ бы обливая всѣхъ мертвымъ свѣтомъ своихъ бѣлыхъ оскаленныхъ зубовъ. Вначалѣ на нее смотрятъ со смѣхомъ и даже слегка апплодируютъ, но постепенно смутный страхъ овладѣваетъ всѣми и гаситъ голоса. Безмолвіе. Внезапно въ углу вспыхиваетъ ссора. Крики, голосъ Предсѣдателя.

— Оставь мою даму!
— Тутъ нѣтъ своихъ дамъ.
— Прочь.
— Не смѣй бить. — Ага, ты такъ! — Убью. Кто это? Стойте! стойте!

Общая свалка. Громкій стонъ и проклятіе. Кто-то грузно падаетъ. Изъ разступившейся толпы выходитъ Предсѣдатель съ злобно оскаленными зубами, въ рукѣ ножъ. Оглядывается назадъ.

— Ну, кто еще? Выходи.
— Нашелъ дурака.
— Кого это, а?

Царь Голодъ покровительственно.

Ты что же это своихъ?

Digitized by Google

Предсѣдатель блѣдно улыбается:

А развѣ есть свои?

Смерть мрачно:

Да — и потанцовать не дадутъ.

Крики:

Танцовать! Отволоките его въ сторону. Ого-го-го-го!

Безпорядокъ. Безсмысленные выкрики, шумъ, дикій, продолжительный свистъ.

Опускается занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

СУДЪ НАДЪ ГОЛОДНЫМИ.

Подобіе судейскаго зала.

Налѣво, наискось, въ полъ-оборота къ зрителямъ сидятъ за столомъ Судьи. Столъ находится на возвышеніи и покрытъ чернымъ сукномъ; аттрибуты судопроизводства: голый подержанный черепъ, закапанный слегка чернилами и стеариномъ, небольшая игрушечная англійская висѣлица и высокая четвертная квадратная бутыль съ краснымъ, какъ кровь, виномъ. Судей пятеро, предсѣдательствуетъ Царь Голодъ; всѣ Судьи одѣты въ черныя мантіи и пышные напудренные парики. Двое по бокамъ Царя Голода необыкновенно худы и тощи, съ длинными, вытянутыми до чрезмѣрности лицами; и рты у нихъ похожи на перевернутую букву v; слѣдующіе два чрезмѣрно толсты, бочкообразны, сонны, и рты у нихъ кружечками, напоминаютъ верхушку задернутаго кошелька.

Внизу, за маленькимъ столикомъ, согнувшись, секретарь съ необыкновенно большимъ гусинымъ перомъ.

У задней стѣны, на возвышеніи, пюпитръ, за которымъ сидитъ неподвижно Смерть.

Занимая весь правый уголъ картины, ближе сюда, отдѣленные отъ суда низенькой рѣшеткой, помѣщаются на удобныхъ скамейкахъ и въ креслахъ Зри-

Digitized by Google

тели. Всѣ они одѣты, какъ на балъ: женщины въ пышныхъ платьяхъ, сильно декольтированы, украшены драгоцѣнностями: жемчужныя колье, брилліантовыя діадемы, золото; у одной изъ нихъ, Милліонерши, пальцы до самыхъ ногтей унизаны перстнями. Только одна дѣвушка, хотя и декольтированная, но одѣта очень просто, въ черномъ строгомъ платьѣ.
Въ общемъ женщины красивы и породисты, за исключеніемъ двухъ старухъ, одѣтыхъ также пышно, и притомъ одна въ ярко-красное.
Мужчины во фракахъ и сюртукахъ, тщательно выбриты и причесаны у парикмахера; благообразны и чисты. У Профессора, напримѣръ, сѣдыя кудри необычайной бѣлизны, и вообще видъ патріарха. Есть толстые, изъ коихъ одинъ, съ огромнымъ животомъ, еле помѣщается въ креслѣ и постоянно засыпаетъ. Три юноши: одинъ, глупый, съ моноклемъ и выраженіемъ восторга на прыщавомъ лицѣ; другой, равнодушный, пресыщенный; третій, съ пышными черными волосами, демонической внѣшностью и выраженіемъ на лицѣ міровой скорби.
Всѣ указанныя свойства, какъ толщина, такъ и худоба, какъ красота, такъ и безобразіе достигаютъ крайняго развитія.

При открытіи занавѣса Царь Голодъ и за нимъ всѣ остальные Судьи встаютъ и почтительно кланяются сперва Смерти, которая отвѣчаетъ угрюмымъ кивкомъ головы, и затѣмъ Зрителямъ.

Царь Голодъ.

М.м. государыни и государи! Позвольте привѣтствовать васъ въ залѣ правосудія. По вашему желанію, которое для насъ законъ...

Кланяется и смотритъ на товарищей, — и тѣ по очереди, каждый съ поклономъ, подтверждаютъ:

Digitized by Google

— Законъ.
— Законъ.
— Законъ.
— Законъ.

Царь Голодъ продолжаетъ:

... которое для насъ законъ, мы собрались сюда, чтобы судить голодныхъ. Для этого мы надѣли мантіи и парики, поставили столъ, влѣзли на возвышеніе и внизу посадили секретаря съ большимъ гусинымъ перомъ.

Секретарь быстро кланяется.

— Онъ служитъ по вольному найму, и хотя голоса въ рѣшеніи не имѣетъ, но совершаетъ въ протоколахъ ошибки. Иногда эти ошибки являются источникомъ непріятностей, иногда же — ибо все въ этой жизни неисповѣдимо —

Находящійся среди зрителей Аббатъ вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ потолку.

— служатъ источникомъ новаго дѣйствующаго права. Что это значитъ, сударыни, вамъ объяснитъ г. Профессоръ, котораго я имѣю честь лицезрѣть въ вашей уважаемой средѣ. Теперь же приступимъ къ суду.

Усаживаются.

— Введите перваго голоднаго.

Разговоръ Зрителей.

— Какъ торжественно!
— Мантіи и парики придаютъ имъ такой строгій видъ. Ихъ даже трудно узнать.
— Такъ нужно. Необходямо, чтобы судъ внушалъ къ себѣ уваженіе.
— Мамочка, а зачѣмъ на столѣ черепъ и висѣлица?

Digitized by Google

Профессоръ.

Это, дитя мое, символы. Въ Англіи...

— Посмотрите, какой носъ у того судьи, совсѣмъ какъ кончикъ собачьяго хвоста. Ну, честное слово, онъ облизнулъ его языкомъ.

— Какъ вы насмѣшливы. Вы такъ молоды, вы должны уважать судъ.

— Да я его, честное слово, уважаю. Но вѣдь у него такой смѣшной носъ!

— Это не важно, какой носъ у судьи. Важно, чтобы судья былъ справедливъ и не щадилъ голодныхъ.

— Иначе мы возьмемъ другихъ. Они это знаютъ.

— Судъ надо уважать.

— Судъ — это мы. Судъ надо уважать.

— Какъ интересно! Это похоже на театръ.

Толстый просыпается:

Котораго судятъ?

— Еще не начинали, ваше сіятельство.

— Что же это они!

— Ведутъ! — Ведутъ! — Какъ это интересно! Какая рожа! — Мамочка, онъ не кусается? — Не бойтесь, дитя мое, на немъ довольно крѣпкій намордникъ. Слушайте! Слушайте! — Ахъ, какъ интересно!

Вводятъ перваго голоднаго — оборваннаго старика съ разбитыми ногами. На лицѣ у него проволочный намордникъ.

Царь Голодъ.

Снимите съ голоднаго намордникъ. — Ты что сдѣлалъ, голодный?

Старикъ говоритъ разбитымъ голосомъ:

Укралъ.

— Сколько укралъ?

Digitized by Google

— Я укралъ пятифунтовый хлѣбъ, но у меня его отняли. Я успѣлъ откусить только кусочекъ. Простите меня, я больше не буду.

— Ты что же, — получилъ наслѣдство? Или ѣсть больше не хочешь?

— Нѣтъ, хочу. У меня его отняли. Я откусилъ только кусочекъ...

— Такъ какъ же ты не будешь воровать? Почему ты не работалъ?

— Нѣтъ работы.

Допросъ продолжается. Разговоръ Зрителей.

— И этого несчастнаго судятъ! Душа моя кипитъ негодованіемъ и презрѣніемъ къ человѣчеству...

— Оставь, развѣ тебѣ не все равно.

— Но пойми же!

— Ты волосы завиваешь, или они вьются отъ природы?

— Слегка.

— А у меня начинается лысина. Это въ 24 года!

Профессоръ.

... Уголовное право, сударыня, раздѣляется на двѣ части: на первую часть и на вторую часть. Въ первой части говорится о преступленіяхъ вообще, и я долженъ признаться, сударыня, что это наиболѣе слабо разработанная часть.

— Ахъ, какъ жаль! Почему же ее не разработаютъ?

— Ибо самая сущность преступленія остается не вполнѣ разгаданной наукой. Зато вторая часть, гдѣ говорится о преступленіяхъ въ частности и соотвѣтствующихъ наказаніяхъ...

Царь Голодъ.

А гдѣ же твои дѣти, голодный? Почему они не кормятъ тебя?

Digitized by Google

— Они умерли съ голода.

— Почему же ты не захотѣлъ умереть съ голода, какъ дѣти?

— Не знаю. Захотѣлось жить.

— А зачѣмъ тебѣ жизнь, голодный?

Голоса:

— Дѣйствительно, зачѣмъ они живутъ? Я этого не понимаю.

— Чтобы работать.

— Но когда работа кончается? Не можемъ же мы вѣчно доставлять имъ работу!

— Чтобы славить Господа и укрѣпляться въ сознаніи, что жизнь...

— Ну, не думаю, чтобы они очень Его славили.

— Было бы лучше, если бы онъ умеръ.

— Довольно скучный старикашка. И какой фасонъ брюкъ!

— Слушайте! Слушайте!

Царь Голодъ встаетъ, громко:

Теперь, мм. гг., мы сдѣлаемъ видъ, что размышляемъ. Гг. судьи, прошу васъ принять видъ размышляющихъ.

Всѣ Судьи на нѣкоторое время принимаютъ видъ размышляющихъ: морщатъ лбы, смотрятъ въ потолокъ, подпираютъ носъ пальцемъ, вздыхаютъ и вообще, видимо, стараются. Почтительное молчаніе. Затѣмъ въ томъ же молчаніи, съ глубоко торжественными и серьезными лицами, Судьи встаютъ и всѣ сразу поворачиваются къ Смерти. И также всѣ сразу медленно и низко кланяются ей, вытягиваются ей навстрѣчу.

Царь Голодъ, согнувшись.

Что изволитъ сказать...

Digitized by Google

Смерть быстро встаетъ, сердито стучитъ кулакомъ по столу и говоритъ скрипучимъ голосомъ:

— Осужденъ — во имя дьявола!

Также быстро садится и замираетъ въ злой неподвижности. Судьи садятся также.

Царь Голодъ.

Голодный, ты осужденъ.

— Пожалѣйте.

— Надѣньте на него намордникъ. Введите слѣдующаго голоднаго.

Пока голоднаго выводятъ, Зрители въ такихъ словахъ выражаютъ свои чувства:

— Зачѣмъ ему жить?

— Лучше умереть.

— Скажите ему.

— Умри, старикъ, умри.

— Умри, старикъ, умри.

Всѣ тихо шепчутъ, махая руками, точно навѣвая сонъ:

— Умри, старикъ, умри. Умри, старикъ, умри. Умри, умри, умри!...

Вводятъ новаго голоднаго. Веселые голоса:

— Ведутъ! Ведутъ!

— Какой звѣрь!

— Да, это не меньше убійства!

— Посмотрите на его лобъ.

— Какъ страшно!

— Вы очень нѣжны, дитя мое.

— Тише.

Digitized by Google

Быстро вводятъ второго голоднаго и снимаютъ намордникъ. Это здоровый дѣтина съ низкимъ бычачьимъ лбомъ; грудь его наполовину раскрыта; смотритъ исподлобья, угрюмо.

Царь Голодъ.

Ты что сдѣлалъ, голодный?
— Я изнасиловалъ барышню въ лѣсу.

Выраженіе ужаса и пріятнаго волненія.

— Какой ужасъ!
— Вотъ звѣрь!
— Это и меня захватываетъ.
— Позоръ для человѣчества такіе люди.
— Котораго?

Царь Голодъ.

Почему ты это сдѣлалъ?
— Замужъ за меня она вѣдь не пошла бы. А мнѣ очень ее захотѣлось.
— Почему ты не удовольствовался женщинами, какія есть у васъ, голодный?
— Наши женщины грубы и некрасивы отъ голода и работы. А эта была нѣжная и тонкая, съ бѣлыми руками. А ребенокъ у нея будетъ?
— Нѣтъ, мы приняли искусственныя мѣры и удалили зародышъ.

Голодный угрюмо:

Хитрые.
— Что можешь ты сказать въ свое оправданіе, голодный?

Digitized by Google

... Преступленія посягательства на женскую честь дѣлятся на...

— Ахъ погодите, г. Профессоръ, такъ интересно.

— Въ оправданіе? Что если бы я могъ, я изнасиловалъ бы вотъ ту, и вонъ ту, и вонъ ту. Старуху въ красномъ не сталъ бы, пусть остается вамъ.

Старушка падаетъ въ кратковременный обморокъ. Всѣ въ волненіи.

— Какой ужасъ! Это настоящій звѣрь!

— И меня! Вы замѣтили, онъ показалъ на меня. Онъ согласенъ меня изнасиловать!

— Вы ошибаетесь. Онъ показалъ на меня.

Ссорятся. Дѣвушка въ черномъ, которая все время молчала, вдругъ встаетъ и говоритъ громко, съ вызовомъ:

— А почему ты думаешь, что она не вышла бы за тебя замужъ. Я бы вышла, быть можетъ.

Голодный угрюмо:

Посмотри получше.

— Ты правъ: не вышла бы. Ты слишкомъ грубъ.

— Вотъ то-то. А я бы тебя изнасиловалъ.

— Нѣтъ, скорѣе убилъ бы.

— Да — и убилъ бы.

Дѣвушка садится. Юноша съ демонической внѣшностью смотритъ на нее мечтательно, но она не обращаетъ на него вниманія. Свои оглядываютъ ее съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Однако!

Digitized by Google

Царь Голодъ.

Гг. судьи, прошу принять видъ размышляющихъ.

Повтореніе той же процедуры съ тою же торжественностью вплоть до низкаго и протяжнаго поклона Смерти. Смерть вскакиваетъ, стучитъ кулакомъ по столу:

— Осужденъ — во имя дьявола!

Голодный дѣвушкѣ:

Въ лѣсъ не ходи одна!

— Надѣньте намордникъ. Введите слѣдующаго голоднаго.

Вводятъ голодную. Это молодая, стройная, но крайне истощенная женщина съ блѣднымъ, трагическимъ лицомъ. Черныя тонкія брови, сходящіяся у переносья, и пышные волосы, небрежно связанные узломъ и спадающіе на спину. Женщина не кланяется и по сторонамъ не глядитъ, какъ будто бы никого не видитъ. Говоритъ безстрастно, мертвымъ голосомъ.

— Ты что сдѣлала, голодная?

— Убила своего ребенка.

... Какой ужасъ! Эти женщины совершенно лишены материнскаго чувства.

— Чего же вы отъ нихъ хотите? Вы меня удивляете.

— Какъ она прекрасна. Въ ней есть что-то трагическое.

— Женись.

... Преступленіе дѣтоубійства въ древности не считалось таковымъ и разсматривалось, какъ естественное

Digitized by Google

право родителей. И только съ введеніемъ въ нравы гуманизма...

— Ахъ, погодите же, г. Профессоръ!

— Но наука, дитя мое...

Царь Голодъ.

Разскажи, голодная, какъ ты сдѣлала это.

Опустивъ руки, не двигаясь, женщина говоритъ безстрастно и мертво.

— Я съ моей дѣвочкой шла ночью черезъ рѣку по очень длинному мосту. И такъ какъ я уже раньше рѣшила это, то выйдя на средину, гдѣ рѣка глубока и быстра, я сказала: посмотри, дочечка, какъ шумитъ внизу вода. Она отвѣтила: я не достану, мамочка, перила очень высоки. Я сказала: дай я подниму тебя, дочечка. И когда она стала смотрѣть внизъ, въ черную глубину, я перекинула ее туда. Все.

— Она цѣплялась?

— Нѣтъ.

— Кричала?

— Да, разъ вскрикнула.

— Какъ ее звали?

— Дочечка.

— Нѣтъ, имя. Какъ ее звали?

— Дочечка.

Царь Голодъ закрываетъ руками лицо и говоритъ нѣсколько дрожащимъ, глухимъ голосомъ:

— Гг. судьи, прошу принять видъ размышляющихъ.

Судьи морщатъ лбы, смотрятъ въ потолокъ, жуютъ губами. Почтительное молчаніе. Потомъ встаютъ и низко кланяются Смерти.

Digitized by Google

Смерть.

Осуждена — во имя дьявола!

Царь Голодъ встаетъ и говоритъ громко, протягивая руки къ женщинѣ, точно покрывая ее невидимымъ чернымъ покровомъ:

— Ты осуждена, женщина, слышишь? Ты пойдешь на смерть. Ты пойдешь въ адъ и тамъ будешь горѣть на вѣчномъ, на неугасимомъ огнѣ! Твое сердце будутъ рвать дьяволы желѣзными когтями! Въ твой мозгъ вопьются ядовитѣйшія змѣи подземныя и будутъ жалить его, и будутъ жалить, и никто не услышитъ твоего крика, потому что ты будешь молчать. Да будетъ вѣчная ночь надъ тобою. Ты слышишь, голодная?

— Слышу.

— Надѣньте ей намордникъ.

— Погодите!

Это говоритъ Дѣвушка въ черномъ. Быстро подходитъ къ голодной и протягиваетъ ей руку.

— Дай твою руку, несчастная.

— Не дамъ. Я презираю тебя.

— Меня?

— Да, тебя. Ты будешь въ раю.

— Ты презираешь меня? Ты, убійца?

Остается съ протянутой рукой. Закидываетъ голову и кричитъ гнѣвно, въ неистовствѣ:

— Такъ ведите же ее въ адъ!

Общій крикъ, но такъ, что ясно слышны отдѣльные голоса:

— Въ адъ ее! Въ адъ! Въ адъ!

— Тѣшьтесь надъ нею, дьяволы!

Digitized by Google

— Въ адъ!
— Рвите ей сердце желѣзными когтями!
— Душите ее, змѣи!
— Жальте! Жальте! Впейтесь въ мозгъ! Рвите ей сердце!
— Ага-го-го-го-го!

Въ изступленіи машутъ на женщину руками. Царь Голодъ властно:

— Тише!

И кротко, къ неподвижно стоящей женщинѣ:

— Ступай, дочь моя.

Голодную уводятъ. Царь Голодъ обращается къ Зрителямъ очень веселымъ и открытымъ голосомъ:

— А теперь, мм. гг., я предложилъ бы сдѣлать перерывъ и покушать. Правосудіе вещь утомительная, и нужно подкрѣпить силы. (Галантно). Особенно прекраснымъ дамамъ и дѣвицамъ. Прошу!

Радостные возгласы:

— Кушать! Кушать!
— Пора!
— Мамочка, гдѣ конфекты?
— А ты все только конфекты!
— Котораго.
— Кушать зовутъ, ваше сіятельство.
— Ага! Почему же меня раньше не разбудили?

Внезапно все принимаетъ очень веселый, милый, домашній видъ. Судьи стаскиваютъ парики, открывая лысыя головы, и постепенно вмѣшиваются въ толпу, пожимаютъ руки, и искоса, съ притворнымъ равно-

Digitized by Google

душіемъ, поглядываютъ на кушающихъ. Рослые лакеи въ расшитыхъ ливреяхъ, съ трудомъ сгибаясь подъ тяжестью, приносятъ огромныя блюда съ гигантскими порціями: цѣлыя бараньи туши, колоссальные окорока, высокіе, какъ горы, ростбифы. Передъ Толстымъ на низенькой скамеечкѣ ставятъ цѣлую зажаренную свинью, которую приносятъ трое. Онъ смотритъ на нее съ сомнѣніемъ.

— Не поможете ли, г. Профессоръ?

— Съ радостью, ваше сіятельство.

— А вы, г. судья?

— Хотя я кушать не хочу, но, если позволите...

— Быть можетъ, и мнѣ будетъ дозволено... — скромно говоритъ Аббатъ, глотая слюни. Вчетверомъ садятся вокругъ свиньи и молча съ жадностью полосуютъ ее ножами. Иногда Профессоръ и Аббатъ случайно встрѣчаются взглядами и тогда не въ силахъ жевать, съ щеками, раздутыми пищей, застываютъ отъ ненависти другъ къ другу и презрѣнія. Потомъ жуютъ усиленно и давятся.

Всѣ разбились на кучки. Смерть вынула изъ кармана сухой буттербродъ съ сыромъ и кушаетъ въ одиночествѣ.

Тяжелый разговоръ набитыми пищей ртами. Чавканье.

— Пожалуйста, еще кусочекъ. Очень вкусно.

— Какъ на пикникѣ. Великолѣпный парень — этотъ Голодъ.

— Хорошо мы ее однако!

— А все-таки она прекрасна.

— Ростбифъ необходимо кушать съ кровью. Это...

— Мамочка, почему ихъ не судятъ всѣхъ разомъ?

— Не знаю, дѣточка, спроси у Профессора.

— Г. Профессоръ!

Digitized by Google

— Г-мъ?

— Г. Профессоръ!

— Г-мъ?

— Чортъ возьми, гдѣ же моя салфетка!

— Гг., совершилось преступленіе кражи: у совѣтника украли вставные зубы.

Смѣхъ. Чавканье. Къ Царю Голоду, стоящему въ сторонѣ, подходятъ Первый Рабочій и Предсѣдатель-Хулиганъ. Одѣты они прилично и до сихъ поръ сидѣли незамѣтно на одной изъ отдаленныхъ скамеекъ.

Рабочій.

Какъ жрутъ! Зачѣмъ ты съ ними, Царь? Я ничего не понимаю. Ты измѣняешь намъ? Смотри!

Хулиганъ.

И это твой судъ, Отецъ? (Гнѣвно). Ты хочешь, чтобы я тутъ же перерѣзалъ тебѣ глотку?

Царь Голодъ.

Вы слѣпы оба. Это не мой судъ. Это судъ надъ моими дѣтьми.

— Но ты же предсѣдатель!

— Развѣ вы не понимаете, что я дѣлаю? Вѣдь каждый побывшій здѣсь навѣки становится ихъ врагомъ. Я развращаю ихъ и учу дѣлать мерзости. Я въѣдаюсь въ самую сердцевину ихъ жизни, наполняю ее гнилью и разрушаю ее. Они уже перестали понимать, что такое правда, — а вѣдь это начало смерти. Ты понимаешь это?

— Но ты дѣлаешь это какъ лакей!

Царь Голодъ гнѣвно.

Тише, сынъ мой! Не оскорбляй того, кто несчастенъ. (Сдерживаясь). Подумай, развѣ оттого, что мы

Digitized by Google

судимъ, меньше становится кражъ, убійствъ, насилій? Ихъ больше. Спроси вонъ у ихняго профессора...

— Я этого не понимаю. Я вижу только, какъ мои братья...

— У тебя же нѣтъ своихъ!

— Отецъ, правда та женщина пойдетъ въ адъ?

— Да. И ты также.

Хулиганъ плачетъ.

— Ты плачешь? Ты, сынъ мой, плачешь!

— Отецъ, Отецъ. У меня есть только ножъ. Кого же мнѣ зарѣзать?

Рабочій.

Не нужно рѣзать. Надо работать, работать.

— Отецъ, ты говоришь: и мнѣ адъ. Пусть, — но какъ бы мнѣ спасти ее? Я уже вижу дьяволовъ, которые подходятъ къ ней. Отецъ, верни мнѣ жизнь, скажи: ее можно спасти?

— Нѣтъ.

— Ты лжешь, старикъ!

Голоса:

— Однако и вчетверомъ мы ее не съѣли!

— Очень велика, ваше сіятельство!

Царь Голодъ.

Уходите. Необходимо кончать. И слушайте меня: завтра...

— Завтра? Завтра?

— Тише! Ударитъ колоколъ!

— Завтра?

— Тише! Тише!

— О-о-о!

Digitized by Google

— На улицы! Въ дома!
— Тише!
— Завтра! Завтра! Завтра!

Тихо расходятся съ зловѣще радостными лицами.

— Г. Профессоръ, у васъ на бородѣ осталась косточка.
— Ахъ, Боже мой, гдѣ же это?
— Хотите конфекту?
— Когда подумаешь, что у какого-то верблюда три желудка, а я, царь природы, принужденъ обходиться однимъ...

Царь Голодъ говоритъ съ возвышенія:

Очень жалѣю, но принужденъ васъ обезпокоить, господа. Прошу занять мѣста. Судъ продолжается.

Судьи поспѣшно натягиваютъ парики. Во время дальнѣйшаго разговора всѣ занимаютъ свои мѣста.

— Простите, уважаемый коллега, но вы взяли мой паричъ.
— Ахъ, извините, ради Бога. То-то я чувствую...
— Какъ, еще не кончено!
— Это невозможно. Мнѣ нужно въ театръ! Сколько ихъ тамъ!
— Вы очень легкомысленны, молодой человѣкъ. Не забывайте, что мы пришли сюда не для удовольствія, что мы выполняемъ общественную обязанность, возложенную на насъ нашимъ званіемъ сытыхъ и честныхъ людей...
— Но честное слово!..
— Позвольте. Не забудьте, что каждый день...
— Исключая праздники.
— Конечно, исключая праздники, когда мы ходимъ въ церковь и театръ — каждый день во всѣхъ мѣстахъ

Digitized by Google

нашей земли, гдѣ есть только культура, засѣдаетъ судъ и судитъ и все-таки не можетъ всѣхъ осудить...

— Кого надо.

— Конечно, кого надо. Подумайте, что произойдетъ, если только хотя на время судъ пріостановитъ свои дѣйствія...

— Но честное слово...

Царь Голодъ.

Секретарь проситъ сообщить, что онъ сдѣлалъ четыре ошибки, но не можетъ найти, гдѣ. Ошибки, впрочемъ, таковы, по его словамъ, что могутъ послужить источникомъ дѣйствующаго права.

Секретарь быстро кланяется. Слабые аплодисменты.

Царь Голодъ.

Введите слѣдующаго голоднаго.

Быстро вводятъ двоихъ: худенькаго мальчика въ намордникѣ и пожилую, оборванную женщину съ выраженіемъ на лицѣ муки и растерянности. Женщина всѣмъ низко и часто кланяется.

Царь Голодъ.

Ты что сдѣлалъ, голодный?

Одинъ изъ Судей, тощій, внезапно прерываетъ.

— Позвольте, почему она безъ намордника?

Тюремщикъ.

Это мать обвиняемаго. Она хочетъ говорить за него.

Digitized by Google

— Разъ она хочетъ говорить, значитъ и ей надо надѣть намордникъ. Дѣлаю вамъ замѣчаніе. Секретарь, запишите.

— Что же ты сдѣлалъ, голодный?

Женщина падаетъ на колѣни и молитвенно поднимаетъ руки.

— Пожалѣйте! Вѣдь онъ для меня укралъ яблоко, судьи. Я больна была, онъ подумалъ: дай принесу ей яблока. Пожалѣйте его! Скажи имъ, что больше не будешь, ну! Да говори же!

Голодный.

Я больше не буду.

Женщина.

Уже я сама наказывала его... Пожалѣйте его молодость, не рѣжьте у корня его красные денечки!

— Конечно: пожалѣешь одного, а тамъ готовъ и другой. Нужно въ корнѣ пресѣкать...

— Нужно имѣть мужество быть безжалостнымъ.

— Это лучше и для нихъ.

— Сейчасъ онъ мальчикъ, а вырастетъ...

— Мамочка, мнѣ жалко бѣдную женщину. Можно послать ей милостыньку.

— А у тебя есть мелочь?

— Прелестное дитя! Какое сердце!

Царь Голодъ.

Прошу гг. судей принять видъ размышляющихъ.

Въ теченіе всей процедуры мать съ надеждою смотритъ на судей. Когда Смерть стучитъ кулакомъ по столу и кричитъ хрипло:

Digitized by Google

— Осужденъ — во имя дьявола!

Женщина вздрагиваетъ и встаетъ съ колѣнъ.

— Голодный, ты осужденъ.

Въ бѣшенствѣ, поднимая къ небу руки,—женщина кричитъ изступленно:

— Такъ будьте же прокляты! Пусть также погибнутъ ваши дѣти! Пусть искусаютъ ихъ бѣшеные волки!

— Намордникъ! Скорѣй, намордникъ.

— Пусть высохнетъ ихъ сердце! Пусть въ камень претворится ихъ душа. Пусть...

Женщинѣ надѣваютъ намордникъ. Ликующій голосъ Предсѣдателя-Хулигана.

— Отецъ! Ты видишь, какъ они жалѣютъ нашихъ дѣтей. До завтра!

— До завтра!

— Тише!

— Вижу, сынъ мой!

— Тише! Кто это!

— Тише!

Царь Голодъ.

Введите слѣдующаго голоднаго.

Съ большими предосторожностями трое тюремщиковъ вводятъ человѣка необычайно мощнаго вида. Взглядъ у него ясный и открытый, говоритъ просто и спокойно.

— Ты что сдѣлалъ, голодный?

Digitized by Google

— Я не знаю. Я не сдѣлалъ ничего. Я надѣюсь, что судъ освободитъ меня. Я всегда былъ покоренъ и дѣлалъ то, что мнѣ приказывали.

Общее недоумѣніе. Царь Голодъ перешептывается съ Судьями и обращается къ Зрителямъ.

— Я вижу, гг., что для васъ не совсѣмъ ясна вина этого человѣка. Но она велика, и вы сейчасъ поймете это. Онъ рабъ — и для раба онъ слишкомъ силенъ и честенъ. Уже однимъ этимъ онъ оскорбляетъ насъ, какъ людей утонченной культуры и, слѣдовательно,—не сильныхъ. Затѣмъ: сегодня онъ послушенъ, но кто поручится за завтрашній день? И тогда въ его силѣ и честности мы найдемъ жестокаго и опаснаго врага. Несомнѣнно, онъ достоинъ смерти — во имя справедливости.

Сужденіе Зрителей.

— Это совершенно справедливо. Сильные рабы опасны, даже когда они послушны.

— Да. Я нахожу, что Царь Голодъ нашъ истинный другъ.

— Какое возмутительное тѣло Рабъ — и такія прямыя ноги!

— Въ цѣпи его!

— Онъ разорветъ цѣпи. Смерть ему! Смерть!

Царь Голодъ.

Прошу гг. судей принять видъ размышляющихъ.

Судьи размышляютъ, и Смерть стучитъ кулакомъ.

— Осужденъ — во имя дьявола!

Юношу съ тѣми же предосторожностями уводятъ, и на его мѣстѣ появляется слѣдующій голодный. Это—

Digitized by Google

существо необычайно дикаго вида. Длинныя до колѣнъ руки съ огромными морщинистыми, грязными оконечностями, голова и лицо сплошь заросли спутанными волосами, тусклые глазки, звѣриная походка носками внутрь, боязливая и мнительная. Но есть попытки къ чему-то человѣческому. Такъ, существо одѣто въ какой то очень странный, первобытный костюмъ: соединеніе коры деревьевъ, хитросплетенной, грубой матеріи и какихъ-то подвязокъ. При входѣ оно даже дѣлаетъ попытку причесаться, но запутывается рукою въ волосахъ.

Разговоръ Зрителей:

— Да это горилла!

— Боже мой! Неужели мы будемъ судить еще цѣлый зоологическій садъ! У меня театръ!

— Нѣтъ, это человѣкъ.

— Да нѣтъ, горилла! Вы посмотрите на его голову.

— На руки!

— Не нужно снимать намордника. Оно, быть можетъ, кусается!

— Оно кланяется!

— Оно человѣкъ!

— Да нѣтъ же! Оно дрессированное. Что это?

— Нуженъ каталогъ! Въ этихъ случаяхъ нельзя безъ каталога: какъ же мы будемъ судить, не зная, какъ оно называется!

— Какой странный фасонъ. Интересно познакомиться съ его портнымъ.

Царь Голодъ.

Такъ какъ здѣсь возникли сомнѣнія, то прежде всего скажи намъ: кто ты, голодный?

Голодный молчитъ.

Digitized by Google

— Оно не понимаетъ!
— Ну, конечно, горилла!

Царь Голодъ.

Кто ты, голодный? Отвѣчай. Ты понимаешь человѣческую рѣчь?

Голодный отвѣчаетъ глухимъ заскорузлымъ голосомъ:

— Мы крестьяне.
— Я же говорилъ, что человѣкъ!

Общій хохотъ.

— Отчего милостивые господа хохочутъ?
— Это не твое дѣло, голодный. Ты этого не поймешь. Ты что сдѣлалъ, голодный?
— Мы убили дьявола.

Общій хохотъ.

— Слушайте! Слушайте!
— Но вѣдь это прелесть!
— Какая наивность!

Хохотъ.

Царь Голодъ.

Это былъ человѣкъ, котораго вы сожгли.
— Нѣтъ. Это былъ дьяволъ. Это сказалъ намъ Кюре, и тогда мы сожгли его.

Среди Зрителей легкое замѣшательство.

— Что такое?
— Онъ лжетъ. Этого не можетъ быть!

Digitized by Google

Профессоръ.

Вотъ вредное вліяніе церкви на развитіе народныхъ массъ. Преступленія, вызываемыя суевѣріемъ.

Милліонерша.

Ахъ пожалуйста, милый Профессоръ, не говорите при мнѣ такъ дурно о церкви, вы знаете—я вѣрующая.

Аббатъ. Одною стороною лица съ ненавистью глядя на Профессора, другою пріятно улыбаясь Зрителямъ:

— Онъ, очевидно, не понялъ, сударыни. Почтенный наставникъ желалъ только внушить имъ вѣру въ существованіе добрыхъ и злыхъ силъ — но, конечно, не убивать. Религія, сударыни, запрещаетъ убивать.

— Ну да — это другое дѣло!

— Совсѣмъ другое дѣло. Причемъ тутъ Кюре, если онъ такъ глупъ

— Скажите пожалуйста: видъ гориллы, а лжетъ, какъ человѣкъ!

— Обвиняетъ почтенныхъ людей.

— Неголяй!

Царь Голодъ.

Прошу гг. судей принять видъ размышляющихъ.

Судьи на нѣкоторое время принимаютъ видъ размышляющихъ. Затѣмъ, всѣ почтительно склонивъ головы, вытягиваются къ Смерти. Та вскакиваетъ и яростно стучитъ кулакомъ по столу.

— Осужденъ — во имя дьявола! дьявола! дьявола!

Всѣ вздрагиваютъ, словно отъ сильнаго толчка. А она, свирѣпѣя всѣ болѣе, высокая, черная, страшная, стучитъ кулакомъ по столу и ворочаетъ на всѣхъ бѣлые оскаленные зубы.

Digitized by Google

— Дьявола! дьявола! дьявола! дьявола! дьявола!

Царь Голодъ встаетъ.

Успокойтесь, уважаемый...

— Дьявола! дьявола! дьявола!

Всѣ встаютъ въ ужасѣ, съ разинутыми ртами.

— Дьявола! дьявола!

Наконецъ, утихаетъ и садится, замирая въ злой неподвижности.

Царь Голодъ тихо.

Ничего особеннаго, господа. Повидимому, легкая усталость. Прошу садиться. Уведите голоднаго.

Всѣ съ разинутыми ртами садятся и нѣкоторое время продолжаютъ смотрѣть на Смерть. Царь Голодъ перешептывается съ Судьями и заявляетъ весело:

— Поздравляю васъ, господа. На сегодняшній день оконченъ нашъ нелегкій и неблагодарный трудъ. Но во исполненіе древняго обычая, имѣющаго символическое значеніе, мы, судьи, должны выпить по стакану этой жидкости. Налейте, г. судья. Не пугайтесь, господа, это не кровь, хотя по окраскѣ нѣсколько похожа на нее — такъ, къ сожалѣнію, требуетъ обычай — это только вино.

Вставъ и поклонившись другъ другу, выпиваютъ вино. Смерти также относятъ бокалъ, но она отталкиваетъ его костлявой рукою.

Царь Голодъ.

Въ заключеніе, также согласно обычаю, позволю себѣ коротенькую рѣчь, цѣль которой показать — на-

Digitized by Google

сколько мы лучше, справедливѣе и выше всѣхъ другихъ людей. Гг.!.. Сегодня вы присутствовали при высоко-поучительномъ зрѣлищѣ. Вѣчное небесное правосудіе, въ лицѣ насъ, судей, ставленниковъ вашихъ, нашло себѣ блестящее отраженіе на землѣ. Подчиняясь только законамъ вѣчной справедливости, чуждые преступной жалости, равнодушные къ мольбамъ и проклятіямъ, слушаясь только голоса совѣсти нашей — мы озарили землю свѣтомъ человѣческаго разума и великой, святой правды. Ни на одну минуту не забывая, что основа жизни — справедливость, мы въ свое время распяли Іисуса, и съ тѣхъ поръ и до сего дня не перестаемъ украшать Голгоѳу новыми крестами. Но, конечно, только разбойниковъ, только разбойниковъ. Мы Бога не пощадили—во имя законовъ вѣчной справедливости — станемъ ли мы смущаться воемъ этой голодной, безсильной сволочи, ея проклятіями и гнѣвомъ! Пусть проклинаютъ — насъ благословитъ сама жизнь, своимъ покровомъ одѣнетъ насъ великая святая правда, и самый судъ исторіи не будетъ справедливѣе нашего суда.

Бурные апплодисменты. Царь Голодъ движеніемъ руки возстановляетъ тишину и продолжаетъ тихо, съ шипѣніемъ змѣи, улыбаясь:

— Что сдѣлали они проклятіями своими? Что? Они — тамъ, а мы здѣсь. Они въ тюрьмахъ, на галерахъ, на крестахъ — а мы пойдемъ въ театръ. Они дохнутъ—а мы будемъ ихъ кушать—кушать—кушать!..

Смотритъ на всѣхъ веселыми жадными глазами. И вдругъ сбоку жиденькимъ голоскомъ начинаетъ хихикать тощій Судья. Онъ выпрямился, положилъ руки на колѣни, и смѣхъ его походитъ на блеяніе козла. Къ нему присоединяется другой, третій. Толстый сложилъ

Digitized by Google

руки на подпрыгивающемъ животѣ и, задыхаясь, хохочетъ, какъ сквозь трубу, короткими густыми выдыхами. Выходитъ такъ:

— Хи-хи-хи-хи-хи-хи-хи!
— Ху!-ху!-ху!

Смѣхъ растетъ, ширится, перебрасывается, какъ огонь подъ вѣтромъ, въ разные концы и вскорѣ хохочутъ всѣ. Хохочутъ до изступленія, до бѣшенства, до хрипоты. Все слилось въ одинъ черный, раскрытый, дико грохочущій ротъ.

И только Смерть чѣмъ-то недовольна. Не смѣется. Вдругъ стучитъ кулакомъ, желая привлечь вниманіе. Сразу замолкаютъ и испуганно смотрятъ на нее. Она молча грозитъ имъ темнымъ тонкимъ пальцемъ и собираетъ въ портфель бумаги. Всѣ встаютъ. Быстрыми короткими шажками, не отвѣчая на поклоны, Смерть идетъ къ двери.

Опускается занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

БУНТЪ ГОЛОДНЫХЪ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЦАРЯ ГОЛОДА.

Ночь великаго бунта.

Великолѣпный, чрезвычайно богатый залъ. Статуи, картины старыхъ и новыхъ мастеровъ, мозаика, мраморъ, тропическіе цвѣты. Направо, сквозь широкую арку, спускъ внизъ по бѣлой мраморной лѣстницѣ. Налѣво, также сквозь арку, видна библіотека — ряды шкафовъ, уставленныхъ книгами въ богатыхъ переплетахъ.

Изъ предосторожности горятъ не всѣ огни и освѣщенъ залъ тускло; всю заднюю стѣну занимаютъ большія, почти до полу окна, за которыми клубится ярко огненно-красное зарево пожаровъ. Когда въ залѣ темнѣетъ, на полъ, отъ оконъ, ложатся широкія багровыя полосы, и люди, стоящіе у оконъ, бросаютъ длинныя черныя тѣни. Въ томъ, какъ безпорядочно разставлена мебель, и въ томъ, что хозяевъ трудно отличить отъ гостей, въ движеніи танцующихъ, въ забвеніи нѣкоторыхъ приличій чувствуется страхъ и ожиданіе. Музыка, помѣщающаяся на хорахъ, то начинаетъ играть громко и бравурно, то безпорядочно, замолкаетъ; и одна какая-нибудь труба нелѣпо долбитъ свою ноту и сразу испуганно обрывается—точно охнувъ.

Digitized by Google

Дворецъ, охраняемый внизу стражею, считается мѣстомъ, относительно безопаснымъ, и бунтъ загналъ сюда почти всѣхъ, кому онъ враждебенъ и кто его боится. Такъ же, какъ и Зрители въ судѣ, пышно разодѣтыя декольтированныя дамы и дѣвицы, осыпанныя драгоцѣнностями, красивыя, породистыя; такіе же мужчины, во фракахъ. Но есть и въ сюртукахъ и даже въ блузахъ: такъ группа Художниковъ и Писателей одѣта съ нѣсколько искусственной небрежностью. Ученые почти всѣ въ сюртукахъ и пиджакахъ, нѣкоторые довольно грязны. Тутъ же въ толпѣ нѣсколько священнослужителей со скромными, заискивающими лицами; къ нимъ остальные относятся невнимательно и даже порою грубо.

Движенія собравшихся суетливы. Быстро образуются группы и такъ же быстро распадаются, потому что всѣ ищутъ новаго и успокоительнаго; почти никто не сидитъ. Часто съ осторожностью подходятъ къ окнамъ и заглядываютъ на улицу, иногда безуспѣшно пытаются задернуть прозрачныя гардины.

И во все время картины, гдѣ-то недалеко бухаетъ набатный колоколъ голодными призывными звуками; и кажется послѣ каждаго особенно сильнаго удара, что ярче стало зарево и безпокойнѣе движенія гостей. Удары колокола то учащаются, и тогда въ нихъ чувствуется надежда, радость, почти торжество, то становятся медленными, тяжелыми, печальными — точно устали и руки и сердце стараго Звонаря.

Такъ же непрерывно слышится хриплый рогъ Смерти. То далекій, то до ужаса близкій, онъ минутами заглушаетъ всѣ остальные живые и мертвые голоса; и тогда какъ бы сами гаснутъ многіе огни и все замираетъ въ неподвижности, и по полу ложатся длинныя черныя тѣни отъ ярко багровѣющихъ оконъ.

Занавѣсъ открывается при смѣшеніи всѣхъ этихъ звуковъ: бравурной, но растерянной музыки, хриплаго рога и частыхъ ударовъ колокола.

Digitized by Google

Разговоръ Гостей.

— Я все еще не могу повѣрить, что бунтъ вспыхнулъ. Какой ужасъ!

— Да и многіе не хотятъ вѣрить. Это произошло такъ внезапно. Еще только вчера все было спокойно и мирно.

— Но послушайте, что дѣлается тамъ. Эта смерть...

— Каждый ударъ колокола обрушивается на голову, какъ молотъ!

— Вѣдь это значитъ, что черезъ минуту могутъ притти сюда и убить всѣхъ: мужчинъ, женщинъ, дѣтей.

— Насъ охраняютъ.

— Ахъ, оставьте! Неужели вы вѣрите въ стойкость этой наемной сволочи, что внизу? Стоитъ перейти силѣ на ту сторону, и все будетъ кончено. Гдѣ Царь Голодъ?

— Тамъ!

— Боже! Неужели онъ измѣняетъ! Я всегда говорилъ, что не нужно довѣряться этому подлому лакею, этому пройдохѣ, провокатору!

— Погодите бранить его. Еще неизвѣстно, съ кѣмъ онъ, съ нами или съ мятежниками!

— Зачѣмъ играетъ музыка? Крикните ей, чтобы замолчала.

— Съ музыкою легче.

— Оставьте! Насъ могутъ услыхать съ улицы.

— Тамъ не слышно. Тамъ своя музыка. Послушайте!

Прислушиваются.

— Боже мой, какой ужасъ! Не нужно привлекать вниманія. Эй, вы, музыканты, замолчите!

— Неудобно безъ хозяевъ.

— Ахъ, развѣ теперь не все равно! Да замолчите же вы, тамъ!

Музыка безпорядочно затихаетъ. Ужасъ Гостей.

— Что случилось?

Digitized by Google

— Почему музыка молчитъ? Что случилось?
— Сюда идутъ!

Громкій дрожащій голосъ:

— Господа, сюда идутъ! Господа! Господа!

Всѣ мечутся. Истерическій плачъ.

— Да нѣтъ же, успокойтесь, ничего не случилось.
— Баррикадируйте двери!

Голосъ Хозяина Дома:

Что случилось? Въ чемъ дѣло?

— Кто-то приказалъ музыкѣ молчать, и вотъ всѣ въ ужасѣ.

— Кто приказалъ? Какъ онъ смѣлъ? Музыканты, играйте. Господа, ничего не случилось. Сейчасъ будемъ танцовать. Кавалеры, приглашайте дамъ на котильонъ.

Нѣкоторое успокоеніе. Кое-гдѣ даже слышенъ смѣхъ.

— Позвольте васъ просить.
— Вы наступили на платье.
— Pardon!

Разговоръ Ученыхъ.

— Конечно, бояться нечего. Разъ Царь Голодъ съ нами...
— А вы увѣрены въ этомъ?
— Но по крайней мѣрѣ исторія...
— Ахъ это такъ шатко: исторія. Развѣ мы знаемъ настоящую исторію?
— И это говорите вы, историкъ?

Сдержанный смѣхъ и улыбки.

Digitized by Google

— Я знаю только одно, что это ужасно. Какъ можете вы измѣрить энергію, которую накопилъ Царь Голодъ въ этихъ темныхъ, несчастныхъ массахъ. Быть можетъ, ея достаточно только для короткой вспышки, а, быть можетъ, она опрокинетъ все, всю нашу культуру. (Указываетъ на окна). Вы знаете, что это горитъ? Хорошо, если дома. А если это уже горятъ музеи? Библіотеки?

— Огонь не разбираетъ ничего!

— Боже мой!

— Неужели все погибнетъ!

Кто-то гаситъ часть огней. Становится темнѣе и окна ярко багровѣютъ. И снова ужасъ.

— Что это?

— Почему темно? Что случилось?

— Господа, господа!

— Прекратился токъ!

— Сейчасъ наступитъ тьма!

— Зажигайте свѣчи! Гдѣ свѣчи? Скорѣе!

— Да нѣтъ же, успокойтесь. Какіе трусы!

— Позвольте васъ просить?

— Вы съ ума сошли? Танцовать?

Музыка играетъ вальсъ.

— Почему же вальсъ? Говорили, что котильонъ?

— Ахъ, не все ли равно: вальсъ, котильонъ, дьяволъ!

— Какъ вы грубы!

— Pardon!

Въ полутемнотѣ кружится одиноко какая-то пара и вскорѣ куда-то исчезаетъ.

— Господа, новости! Новости!

Digitized by Google

— Что такое?

— Новости! Слушайте!

Музыка безпорядочно затихаетъ. На середину выходитъ молодой человѣкъ. Костюмъ въ безпорядкѣ, лицо блѣдно, на лбу кровавое пятно. Его окружаютъ.

— Я оттуда.

— Боже мой!

— Говорите! Говорите!

— Это ужасъ! Я точно вырвался изъ другого міра, который можетъ пригрезиться только во снѣ. Пустынныя улицы, надъ которыми въ воздухѣ проносится ревъ. Откуда онъ—я не знаю. Кровавая мгла. Черныя тѣни. Трупы подъ ногами. Молчаливыя раскаленныя пожарища, около которыхъ нѣтъ никого. Гдѣ люди?

— Васъ ранили?

— И вдругъ—толпа, Вихрь криковъ, тѣлъ, оскаленныхъ зубовъ. Кто это?—я никогда не видалъ ихъ раньше. Они разрушаютъ все. Они убиваютъ другъ друга. Они убиваютъ дѣтей. Я видѣлъ: они сожгли большой домъ, полный спасавшихся женщинъ и дѣтей!

— Какой ужасъ!

Кто-то истерически плачетъ.

— Замолчите!

— Это голодные!

— Это чернь! Они придутъ сюда.

— Какія-то косматыя, полуголыя чудовища. Кто это?—я никогда не видалъ ихъ раньше. И еще: говорятъ, что двинулась деревня, что всѣ деревни идутъ на городъ.

— Это конецъ!

— Мы погибли!

— Это революція!

— Не оскорбляйте революцію. Это бунтъ. Вы слыхали: они жгутъ женщинъ и дѣтей.

Digitized by Google

— Звѣри вышли изъ лѣсовъ!
— Лѣса идутъ на насъ!
— Мы погибли!
— Говорятъ: уже слышно скрипѣніе ихъ телѣгъ. На нихъ они хотятъ увезти все, что останется отъ нашего города.
— Орда варваровъ идетъ на насъ!
— Звѣри вышли изъ лѣсовъ!
— Я слышу скрипѣніе колесъ. Мы погибли!
— Гасите огни!

Гаснетъ еще нѣсколько огней. Рогъ Смерти слышится гдѣ-то совсѣмъ близко.

— И я видѣлъ, какъ жгли женщинъ и дѣтей. И я не хочу послѣ этого жить. Я пришелъ только разсказать — предупредить. Тамъ гдѣ-то мой отецъ — мать... Скажите имъ, что я умеръ.

Быстро выхватываетъ револьверъ, стрѣляется. Ужасъ. Всѣ мечутся. Трупъ быстро подхватываютъ и уносятъ.

— Что это?
— Сюда пришли. Господа!
— Нѣтъ, это застрѣлился кто-то.
— Зачѣмъ же онъ всѣхъ пугаетъ!
— Подотрите кровь.
— Музыка! Музыка!
— Онъ сказалъ, что горитъ Національная галлерея.
— Что?
— Горитъ Національная галлерея.
— Господа! Новость. Горитъ Національная галлерея!

Многіе бросаются къ окнамъ.

— Гдѣ? Гдѣ?
— Вотъ.
— Это правда!

Digitized by Google

— Осторожнѣе, господа, осторожнѣе!
— Задерните занавѣси!
— Горитъ Національная галлерея!
— Послушайте, вы наступили мнѣ на ногу.
— Какой огонь!
— Что? Что? Что?

Крайне взволнованный выбѣгаетъ изъ библіотеки Художникъ въ большомъ бѣломъ галстухѣ и бархатной блузѣ. За нимъ выходятъ другіе Художники.

— Это правда? Горитъ галлерея?
— Да. Да. Смотрите.
— Горитъ галлерея? Горитъ Мурильо! Горитъ Веласкецъ? Рубенсъ? Джіорджоне?
— Да. Да. Смотрите, какое зарево.
— Еще бы. Масляныя краски!

Художникъ рыдаетъ, закрывъ руками лицо. И вдругъ кричитъ изступленно:

— Я не позволю! Я не позволю жечь картины. Я не позволю!

Бѣжитъ къ двери.

— Куда онъ!
— Онъ съ ума сошелъ!
— Держите его!
— Убѣжалъ!
— Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ онъ не позволитъ. Удивительные фантазеры — эти артисты!

Художники группою.

— Горитъ Мурильо!
— Горитъ Веласкецъ!
— Горитъ Джіорджоне!
— Боже, Боже!

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ Художниковъ преклоняютъ колѣна передъ старинною черною картиною и говорятъ, молитвенно опустивъ голову:

— Ты, безсмертная картина!

— Ты, дивное созданіе человѣческаго генія!

— На тебѣ покоится божественная красота. И ты умрешь!

— Ты оправданіе всей жизни нашей. И ты умрешь!

— И люди погибнутъ съ тобою.

— И погибнетъ красота. Кто захочетъ жить, когда погибнетъ красота?

— Прости насъ, великая, божественная картина. Мы безсильны защитить тебя.

— Намъ самимъ остается только умереть!

Злой отрывистый смѣхъ Гостей. Голоса:

— Тутъ гибнутъ люди, а они о картинахъ!

— Фанатики, они знаютъ только свои картины. Что такое ихъ картины! Тутъ можемъ погибнуть мы, вотъ что важно!

— Картины хороши въ спокойное время.

— Насъ не спасутъ ихнія картины! Картины!

— Но все-таки жалко.

— Оставьте! Только бы мы уцѣлѣли — для насъ напишутъ новыя картины.

— Еще лучше!

— Сколько угодно. Мы можемъ погибнуть — вотъ что важно!

— Но Господь не допуститъ, чтобы погибло столько невинныхъ.

— Ахъ, оставьте, св. отецъ. Вы бы лучше раньше учили этихъ мерзавцевъ, что голодъ путь къ блаженству, а не къ бунту!

— Учили, но... — Аббатъ разводитъ руками.

— Не вѣрятъ!

— Вѣрятъ, но... — продолжаетъ стыдливо: — Сегодня

Digitized by Google

они повѣсили одного аббата. Страшно подумать, что отвѣтятъ они Богу?

— Что же? Развѣ веревка оборвалась?

Аббатъ стыдливо отходитъ.

Старичекъ въ мундирѣ:

Я всегда утверждалъ, что необходимы реформы. Нельзя доводить до крайности. Во-время брошенный кусокъ хлѣба, даже просто ласковая улыбка...

Изображаетъ старческимъ ртомъ ласковую улыбку.

— Ахъ, пожалуйста, реформы, все что угодно. Мы можемъ погибнуть, вотъ что важно. Вы понимаете это: мы!

Всѣ съ яростью наступаютъ на Старичка и бьютъ себя кулаками въ грудь:

— Мы можемъ погибнуть, вотъ что важно. Мы!
— Мы!
— Вы понимаете это: мы!
— Мы! мы!

Яростными криками «мы! мы! мы!», двигаясь толпою, загоняютъ Старичка куда-то въ уголъ. Зарево, звукъ рога и колокола сильнѣе. Тоскливые голоса:

— Боже! Неужели умирать!
— Жить такъ пріятно. Если они придутъ сюда, я стану на колѣни, я буду умолять ихъ: не убивайте меня, жить такъ пріятно.
— Боже, а я только что заказала новое платье. Боже, я только что заказала новое платье!
— Неужели умирать!

Digitized by Google

— Я не хочу умирать! Я хочу жить! Меня не имѣютъ права убивать, если я хочу жить!

— Жить! Жить!

Толкаясь, съ тоскливыми воплями «жить! «жить!» безпомощно мечутся по залѣ. Что-то дикое, нелѣпое начинаетъ играть музыка и, точно сама себя испугавшись, съ воплемъ умолкаетъ. Входитъ Профессоръ, сильно разстроенный. На него не обращаютъ вниманія. Толкаютъ.

— Позвольте! Позвольте! Да позвольте же! — почти плачетъ.—Я долженъ вамъ сказать! Я долженъ сказать!

— Что такое?

— Чего ему надо?

— Кто это? Чего ему надо?

— Господа, новости!

Собираются разстроенной кучкой вокругъ Профессора.

— Господа! Я сейчасъ проходилъ по улицѣ — они жгутъ книги!

— Какія книги?

— Что онъ говоритъ?

— Жгутъ какія-то книги!

— Ну такъ что же! Что ему надо?

— Наше сокровище — нашу человѣческую гордость — нашу великую святыню — они жгутъ книги, господа. Безумная чернь, что ты дѣлаешь! Что ты дѣлаешь! Ахъ, друзья мои, друзья мои — и когда я... когда я бросился отнимать... одинъ маленькій... томикъ... маленькій in quarto: ...онъ, негодяй, ударилъ меня.

Плачетъ; протягиваетъ, шатаясь, руки, но встрѣчаетъ пустоту.

Digitized by Google

— За что онъ ударилъ меня? Развѣ я отнималъ у него хлѣбъ? Я работалъ честно, у меня только и есть что вотъ этотъ черный... черный сюртукъ. И больше ничего. Даже другого сюртука нѣту! Негодяй!

Плачетъ; обводитъ близорукими заплаканными глазами комнату.

— И когда я подумаю, что все это должно погибнуть — эти красивыя статуи, эти дивные шкафы съ книгами — въ такихъ переплетахъ — эти милыя, прелестныя, одухотворенныя лица... Друзья мои!

Протягиваетъ руки, всматривается. Молчатъ. Глядятъ на него откровенно. И вдругъ онъ говоритъ тихо, съ недоумѣніемъ:

— Гдѣ же лица? Гдѣ же лица? Что это? Кто это? (Громко) Кто это?

Ищетъ дрожащими руками очки, надѣваетъ, смотритъ—пренебрежительно, съ улыбками, не удостоивая отвѣта, какъ сумасшедшаго или ребенка, отходятъ. Молча, продолжая недоумѣнно оглядываться, идетъ за ними разбитой старческой походкой и скрывается въ библіотекѣ. А вопли уже начались. Но теперь въ нихъ звучитъ подавленность, тоска, полная безпомощность, почти покорность.

— Мы должны умереть.
— Приближается гибель!
— Кто спасетъ насъ? Мы погибаемъ.
— Уже нѣтъ надежды. Мы погибаемъ.
— Богъ отступился отъ насъ.
— Смерть! — Смерть! — Смерть!

Появляется Дѣвушка въ черномъ. Говоритъ громко.

Digitized by Google

— Что съ вами? Отчего вы не танцуете? Гдѣ музыка? Музыканты, играйте!

Молчаніе. Дѣвушка въ недоумѣніи, потомъ въ гнѣвѣ:

— Что же вы? Вы боитесь? Почему горятъ не всѣ огни? Вы боитесь? О, трусы! мнѣ стыдно быть съ вами! Да танцуйте же!

Топаетъ ногою. Тихіе, злые, хитрые голоса:

— Она сумасшедшая.
— Танцовать — теперь!
— Уйдемъ отъ нея.
— Она сумасшедшая. Ее нужно посадить въ сумасшедшій домъ.
— Уйдемъ!
— Уйдемъ. Съ ней опасно. Она — кричитъ.
— Тамъ могутъ услыхать. Уйдемъ! — Уйдемъ!

Дѣвушка въ черномъ.

Не въ темнотѣ, а въ яркомъ свѣтѣ нашей жизни должны мы ихъ встрѣтить. Вы слышите, трусы. Мы должны ихъ встрѣтить — танцуя — танцуя — танцуя! Пусть красотою будетъ наша смерть! Вы слышите!

Всѣ обернули къ ней спины и потихоньку уходятъ, на цыпочкахъ, согнувшись. Однѣ только спины, трусливыя, съежившіяся, хитрыя. И тихій, злорадный, испуганный шепотъ:

— Она сумасшедшая.
— Уйдемъ отъ нея.
— Уйдемъ!
— Тише! Тише!
— Обманемъ ее! Уйдемъ потихоньку!

Digitized by Google

— Тише! Тише!
— Обманемъ!
— Тише!

Дѣвушка въ черномъ.

О, трусы! Боже мой, что же это! Да танцуйте же, танцуйте!

Въ бѣшенствѣ плачетъ, топая ногами.

— Тише! Тише! Уйдемъ! Тише!
— Не хотите! Такъ смотрите, я буду танцовать одна!

Хочетъ кружиться. Къ ней подходитъ молодой человѣкъ, до сихъ поръ молча стоявшій у колонны, и говоритъ съ изысканной вѣжливостью:

— Позвольте васъ просить.

Безъ музыки, въ пустомъ пространствѣ, нѣкоторое время кружатся. А тѣ, продолжая стоять къ нимъ спинами, согнувшись, смотрятъ на нихъ черезъ плечи и шепчутъ, наполняя залъ шипѣніемъ:

— Сумасшедшіе! Сумасшедшіе! Сумасшедшіе! Сумасшедшіе!

Молодой Человѣкъ, останавливаясь.

— Идемте отсюда. Вамъ здѣсь не мѣсто.

Проводитъ Дѣвушку среди поспѣшно разступающихся Гостей. Какъ только они скрываются, всѣ съ хохотомъ высыпаютъ на середину. Ликующіе голоса:

Digitized by Google

— Ушла!
— Ха-ха-ха! Ушла!
— Мы ее обманули!
— Какъ они танцовали!
— Ха-ха!

Сердитый голосъ:

Ее нужно посадить въ сумасшедшій домъ. Своимъ крикомъ она можетъ поднять на насъ весь городъ.

— Связать!
— Заткнуть ей ротъ.
— Еще немного—и я бы схватилъ ее за горло.
— Танцовать? Мы погибаемъ — вотъ что важно!
— Нужно молиться Богу.
— Оставьте. Богъ лучше васъ знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Намъ нужно молиться дьяволу!.. Дьяволу!..
— Что они говорятъ? — Это кощунство! Богъ за насъ!
— Я не хочу умирать. Я хочу жить—жить! А кто мнѣ дастъ жизнь, Богъ или дьяволъ, мнѣ все равно!
— Онъ сошелъ съ ума!
— Нѣтъ, онъ правъ! Мы должны молиться дьяволу!

Шумъ. Почти вбѣгаетъ лакей и говоритъ Хозяину Дома:

— Сюда идутъ! Уже близко!
— Что?
— Сюда идутъ!

Хозяинъ Дома, задыхаясь, громко:

Гг., вниманіе. Они идутъ сюда. Гасите огни. Гасите огни. Скорѣе! Есть еще надежда, что насъ не замѣтятъ, въ темнотѣ. Гасите огни!

Digitized by Google

Общій переполохъ, но голосовъ не слышно. Охваченные паническимъ страхомъ, молча, точно слѣпые, всѣ движутся въ разныя стороны и натыкаются другъ на друга, пока гасятъ огни. И отовсюду, изъ всѣхъ дверей являются такія же смятенныя, растерянныя фигуры. Приходитъ и Художники. Погасла послѣдняя лампочка, и наступаетъ полная темнота, въ которой съ зловѣщей яркостью выступаютъ красные четырехугольники оконъ. Теперь въ среднемъ большомъ окнѣ съ цѣльнымъ стекломъ можно разсмотрѣть черный силуэтъ старинной колокольни, за которымъ клубится красный дымъ и даже какъ будто показываются языки огня. И оттуда идетъ непрерывный звонъ. Недалеко и хриплый рогъ Смерти.

И въ темнотѣ протяжные плачущіе голоса:

— Приближается гибель.

— Они идутъ, уже слышны ихъ жестокіе шаги!

— Погибнутъ картины! Погибнетъ Веласкецъ, Мурильо, Джіорджоне!

— Погибнемъ и мы! И мы! И мы!

— Приближается гибель!

— Пощадите насъ, голодные.

— Простите насъ, голодные. Мы все сдѣлаемъ для васъ.

— Погибнетъ Веласкецъ!

— Боже, сжалься надъ нами!

— Онъ не услышитъ! Онъ отступился отъ насъ.

— Онъ никогда и не былъ съ нами. Молитесь дьяволу!

— Дьяволъ! Дьяволъ!

— Боже! Боже!

— Прійди, о, дьяволъ!

— Защити насъ, о, дьяволъ!

— Боже! Боже!

— Дьяволъ! Дьяволъ!

— Приближается гибель!

Digitized by Google

Стоны. Внезапно въ темнотѣ, съ той стороны, гдѣ лѣстница, раздается мелкій, но спокойный, самоувѣренный и громкій голосъ:

— Что здѣсь такое? Отчего у васъ темно? Развѣ токъ прекратился?

Одновременно испуганные и радостные голоса:

— Дьяволъ! Дьяволъ!

У входа зажигается нѣсколько лампочекъ и освѣщаютъ маленькую фигурку Инжѣнера. Это низенькій, лысый, грязновато одѣтый, но чрезвычайно самоувѣренный человѣчекъ. Некрасивъ — хорошъ только большой выпуклый лобъ. Говоритъ что-то съ улыбкой лакею — онъ демократиченъ и не считается съ приличіями — и тотъ отвѣчаетъ, разводя почтительно руками.

Инженеръ.

Ага, понимаю! Пустяки, господа, пустяки. Можете зажечь всѣ огни. Зажги-ка, любезный, они сами сейчасъ едва ли...

Вынимаетъ грязный носовой платокъ и громко сморкается. Общая радость, крики: «Инженеръ! Инженеръ!» Зажигаются всѣ огни. Хозяинъ Дома обнимаетъ Инженера.

— Новости, дорогой мой, новости!
— Господа! Новости! Инженеръ принесъ новости!
— Пусть говоритъ!
— Слушайте, слушайте!

Инженеръ.

Ничего особеннаго, господа. Долженъ вамъ сказать...

Digitized by Google

Вынимаетъ платокъ и громко сморкается. Возмущенные, нетерпѣливые голоса:

— Что это?
— Тутъ ждутъ, а онъ...
— Онъ еще сморкается...

Инженеръ.

Господа, если бы мой носъ строилъ я, онъ, конечно, не нуждался бы въ платкѣ. Но насморкъ...

— Новости! Новости!

— Особенныхъ новостей нѣтъ. Бунтъ еще продолжается. Эти господа зажгли что-то тамъ еще, кажется Національную галлерею. Такіе идіоты! Впрочемъ, очень возможно, что галлерея зажжена нашими же снарядами.

— Такъ это правда! Дальше! Къ дѣлу!

— Могу добавить, что бунтъ захватываетъ, повидимому, нѣкоторые новые районы. Но мы, инженеры, приняли нѣкоторыя мѣры...

— Съ кѣмъ Царь Голодъ? Вы не видали?

— Виноватъ, этимъ вопросомъ я не интересовался. Такъ вотъ, осмѣлюсь доложить, мы приняли нѣкоторыя мѣры... Боюсь однако, что здѣсь нѣтъ людей, которые хорошо знали бы математику?

— Говорите безъ математики.

— Хорошо-съ. Такъ вотъ я и мои товарищи сдѣлали нѣсколько снарядовъ особенной, такъ сказать, разрушительной силы, размѣры которой, сударыни, я затрудняюсь опредѣлить. Представимъ, напримѣръ, обычную городскую площадь, полную народа — и достаточно одного, двухъ такихъ снарядовъ...

Голоса:

— Ого!
— Славно! Такъ, такъ. — На кусочки!

Digitized by Google

— Какой ужасъ!

— Оставьте. Я говорилъ, что нужно молиться дьяволу. Браво!

— Браво! Браво!

Апплодисменты. Инженеръ кланяется и снова вынимаетъ платокъ.

— Извините, господа, но право такой ужасный насморкъ...

— Ничего! Пожалуйста, пожалуйста!

— Неужели у него нѣтъ чистаго платка.

— Нѣтъ, оставьте, онъ такой милый.

— Далѣе, на Солнечной горѣ мы поставили рядъ большихъ орудій огромной силы. И если бунтъ еще продолжится, мы закидаемъ городъ.

— Это невозможно. А мы!

— Погибнутъ невинные!

— Это невозможно.

— Конечно, господа, здѣсь есть извѣстный рискъ для насъ. Но въ настоящее время, благодаря работѣ моихъ товарищей...

— Браво!

— Прицѣльность орудій достигла такой высокой степени...

— Браво! Браво!

Апплодисменты. Инженеръ кланяется бокомъ и знакомъ подзываетъ лакея:

— Не можешь ли ты мнѣ, любезный, принести рюмку коньяку?

Хозяинъ громовымъ голосомъ:

Коньяку г. Инженеру.

— Такой, знаете, холодъ. Въ заключеніе, господа, еще одна маленькая, но утѣшительная новость. Въ

Digitized by Google

средѣ этихъ же голодныхъ мы нашли за невысокую относительно плату нѣсколько достаточно умныхъ и расторопныхъ господъ и снабдили ихъ порученіями интимнаго свойства. И въ настоящую минуту эти идіоты уже начали великолѣпнѣйшимъ образомъ истреблять другъ друга.

Хохотъ.

— Конечно! Конечно!

— Чего же отъ нихъ ждать! Глупцы! — Идіоты! — Скоты!

— Такъ! Такъ! Браво!

— Дьяволъ помогаетъ.

Аббатъ стыдливо качаетъ головою. Инженеръ беретъ принесенную рюмку коньяку и пьетъ съ поклономъ.

— За ваше здоровье, сударыни!

Очень красивая дама, жена Хозяина дома, говоритъ громко:

— Г. Инженеръ! Вы некрасивы, у васъ грязный носовой платокъ, вы вульгарны и не умѣете держаться въ порядочномъ обществѣ, но вы нашъ спаситель, и я становлюсь передъ вами на колѣни.

Становится на колѣни. Остальныя кричатъ:

— И я! И я! И я!

Дама продолжаетъ:

И отъ васъ еще пахнетъ чѣмъ-то очень дурнымъ, но если вы захотите, я буду принадлежать вамъ!

— И я! И я!

Digitized by Google

— И мой мужъ позволитъ это, потому что и онъ, какъ и всѣ мы, понимаетъ, что вы нашъ спаситель. Позвольте поцѣловать вашу руку.

Тянется на колѣняхъ за рукою. Другія также.

Инженеръ вульгарно.

Пустяки, пустяки, сударыни. Впослѣдствіи я, быть можетъ, воспользуюсь вашими любезными предложеніями, а пока... я очень усталъ и хотѣлъ бы вымыть руки.

Удаляется, сопровождаемый отрядомъ дамъ и дѣвицъ.

Голоса:

— Танцовать!
— Приглашайте дамъ!
— Какъ свѣтло!

Играетъ музыка. Нѣкоторые танцуютъ. Колоколъ звонитъ почему-то рѣже, но рогъ Смерти на нѣкоторое время становится почти непрерывнымъ. Вотъ онъ заглушаетъ колоколъ, вотъ заглушаетъ и заставляетъ молчать музыку—вотъ онъ наполняетъ залъ, хриплый, торжествующій, бѣшеный. Всѣ прислушиваются, вытянувъ шеи. Говорятъ почти шепотомъ:

— Смерть!
— Какъ она коситъ!
— Ужасно!
— Вы слышите?
— Чувствуется, какъ падаютъ сотни людей.
— Тысячи!
— Она въ бѣшенствѣ!
— Смерть! Смерть!

Вдругъ сразу наступаетъ мертвая тишина, которая почти оглушаетъ своей рѣзкой неожиданностью. Умол-

Digitized by Google

кает колоколъ. Всхрипываетъ еще разъ и умолкаетъ рогъ. Мертвая тишина. Ярко горитъ электричество. Всѣ застыли на своихъ мѣстахъ и вопросительно, съ тревогою переглядываются.

На лѣстницѣ движеніе. Тяжелые, медленные шаги.

— Что это?

Входитъ Царь Голодъ. Онъ окровавленъ и измученное лицо его смертельно блѣдно. На головѣ острая красная корона; на остріяхъ ея что-то, красное, кровавое, будто куски человѣческаго мяса. Ни на кого не глядя, тяжелыми шагами онъ проходитъ на середину зала и стоитъ нѣкоторое время въ позѣ безысходнаго отчаянія и тоски.

Шепотъ.

— Что это? Что съ нимъ?

Царь Голодъ поднимаетъ голову съ незрячими, точно ослѣпшими глазами и говоритъ тихо:

— Кончено. Они всѣ — внизу лежатъ. И не поднимутся больше. И я снова — вашъ — лакей.

Музыка играетъ торжественный побѣдный маршъ.

Опускается занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

КАРТИНА ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ ГОЛОДНЫХЪ И УЖАСЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Вечерняя кровавая заря. Все небо снизу до верху въ молчаливомъ, безшумномъ красномъ огнѣ — точно залито оно густою темнѣющею кровью. И земля, со всѣмъ, что находится на ней, кажется почти черною.

Пустынная, безплодная мѣстность: ни дерева, ни кустика, ни одного высокаго силуэта. Плоско — только по серединѣ, ближе къ лѣвому краю, довольно высокій, неровный бугорокъ, и на немъ большая длинная старая пушка на высокихъ колесахъ. Опершись на пушку въ профиль, лицомъ туда, куда обращено ея жерло, неподвижно возвышается Царь Голодъ.

Передъ жерломъ пушки, теряясь въ густыхъ сумеркахъ, лежатъ трупы убитыхъ. Это голодные. И смутно рисуется надъ мертвымъ полемъ острый силуэтъ Смерти. Она стоитъ неподвижно — будто караулитъ.

Позади пушки, на нѣкоторомъ разстояніи, Побѣдители — это тѣ, что въ качествѣ Зрителей являются на судѣ и потомъ, въ ночь великаго бунта, присутствовали въ богатомъ залѣ. Темными силуэтами тихо проходятъ. Нѣкоторые, группами, прижавшись

Digitized by Google

другъ къ другу, стоятъ; ихъ фигуры отчетливо рисуются на фонѣ заката.
Въ невольномъ почтеніи къ Смерти разговариваютъ тихо, сдержанными голосами.
И на все бросаетъ свои отсвѣты багровѣющее небо.

Разговоръ Побѣдителей:

— Какъ темно!

— И заря такая красивая. Точно море огня или крови.

— Завтра будетъ вѣтеръ.

— Осторожнѣе, подбирайте платье, здѣсь кровь.

— Ахъ да! Благодарю васъ.

Осторожно обходитъ темное пятно, подобравъ юбки.

— И какая тишина.

— Да—ни шороха.

— Это всегда бываетъ тамъ, гдѣ много мертвыхъ.

— Нѣтъ ничего тише мертваго человѣка.

— Сколько ихъ тамъ лежитъ?

— Много. Много.

— Да. Достаточно для этого раза. Если и это ихъ не научитъ...

— И какъ спокойны!

— Какъ тихи!

— Точно дѣти въ колыбелькѣ.

— А какъ кричали! Вы помните эти ужасные крики и вой?

— Какъ требовали!

Тихій смѣхъ. И не громкій, но властный голосъ Дѣвушки въ черномъ.

— Не издѣвайтесь надъ павшими.

— Это опять она.

— Дѣвушка въ черномъ.

— Она становится невозможна.

— Чего ей надо?

Digitized by Google

— Они умерли храбро.

— Опять она.

— Ее надо посадить въ сумасшедшій домъ.

— Не стоитъ. Не нужно быть жестокими. Сейчасъ она ничему не мѣшаетъ.

— Пусть говоритъ.

— Пусть послушаютъ ее мертвые. Имъ такъ пріятно слышать это.

Быстрый тихій смѣхъ.

— Они умерли храбро.

Молчаніе. Темными силуэтами тихо проходятъ.

— Осторожнѣе! Здѣсь кровь.

Молчаніе.

— Вы видѣли ихъ вблизи?

— Да. Сегодня утромъ мы были здѣсь съ Инженеромъ. Онъ очень доволенъ дѣйствіемъ своихъ снарядовъ.

— Какая тишина!

— Осторожнѣе, здѣсь опять кровь.

— Да, я вижу. Когда все это уберутъ!

— Да, необходимо поскорѣе. Опасно оставлять столько труповъ.

— Развѣ они поднимутся?

Тихій смѣхъ и снова голосъ Дѣвушки:

— Не издѣвайтесь надъ павшими!

Молчаніе.

— Она скоро охрипнетъ, повторяя одно и то же. Скажите, вы не были сегодня на мертвомъ полѣ, когда пѣлись торжественные гимны пушкѣ?

— О, да. Я была съ мамой. Это было такъ торжественно. Мы всѣ плакали. Кто сочинилъ слова молитвы, вы не знаете? Они такъ прекрасны.

Digitized by Google

— Говорятъ, аббатъ.

— Нѣтъ, это неправда. Ихъ сочинилъ въ восторгѣ самъ народъ.

— Было такъ трогательно, когда матери подносили къ пушкѣ маленькихъ дѣтей и заставляли цѣловать ее. Нѣжныя дѣтскія ручки, довѣрчиво обнимающія это мѣдное чудовище—какъ это трогательно!

— Какъ прекрасно! Я мужчина—но я плакалъ.

— Всѣ плакали.

— Махали платками. Кричали.

— А флаги развѣвались!

— И солнце вышло изъ-за тучъ и освѣтило насъ.

— Только насъ.

— Да—эти все время оставались въ тѣни. Солнце не захотѣло взглянуть на нихъ.

— А мнѣ жаль, что все это скоро уберутъ. Это мѣсто было бы такъ удобно для вечернихъ прогулокъ. Здѣсь такъ тихо.

— Осторожнѣе, кровь.

— Ничего, она уже засыхаетъ. А въ городѣ невозможно оставаться отъ грохота и лязга желѣза.

— Да, вездѣ куютъ цѣпи. Къ сожалѣнію, это необходимо.

— Но развѣ нельзя было бы сдѣлать это какъ-нибудь тише! Положительно глохнешь отъ стука молотковъ. Это отзывается и на нервахъ. Мнѣ всю ночь снилась безконечная желѣзная цѣпь, которая облегаетъ земной шаръ. Нужно куда-нибудь уѣхать.

— Правда, какая тишина!

Молчаніе.

— Вы вѣрите Царю Голоду.

— Да. Онъ честно выполнилъ свой долгъ.

— Но онъ слишкомъ мраченъ. Уже вторую ночь онъ стоитъ здѣсь и не говоритъ ни слова. Это не совсѣмъ прилично.

Digitized by Google

— Я слыхала, онъ готовитъ рѣчь.

— Неужели? Это было бы очень хорошо. Помните его рѣчь въ судѣ?

— Онъ слишкомъ мраченъ.

— А вы будете завтра на первой лекціи Профессора?

— Какъ, развѣ онъ читаетъ?

— Да. О культурѣ.

— Но говорили, что онъ тяжело боленъ, даже при смерти.

— Представьте, выздоровѣлъ. Такой живучій старикъ. Мы всѣ каждый день ѣздили къ нему и онъ цѣловалъ руки и говорилъ: «мои милыя сестры милосердія».

— Тише! Кажется, Царь Голодъ хочетъ говорить.

— Это интересно.

— Перестаньте ходить!

— Онъ поднялъ руку.

— Тише! Тише!

Царь Голодъ выходитъ изъ неподвижности. Протягиваетъ руку къ мертвымъ и начинаетъ говорить тихо и сдержанно:

— Чего добились, безумцы?—Куда шли?—На что надѣялись? Чѣмъ думали бороться? У насъ пушки, у насъ умъ, у насъ сила—а что у васъ, несчастная падаль? Вотъ лежите вы на землѣ и смотрите въ небо мертвыми глазами—ничего не отвѣтитъ вамъ небо. И сегодня же ночью васъ поглотитъ черная земля, и на томъ мѣстѣ, гдѣ вы будете зарыты, вырастетъ жирная трава; и ею мы будемъ кормить нашу скотину. Вы этого хотѣли, безумцы?

Ликующіе голоса.

— Куда шли?

— Чего добились?

Digitized by Google

— Сейчасъ поглотитъ васъ черная земля. Уже идутъ могильщики.

— Уже несутъ заступы. Идите въ землю, безумцы!

— Горе побѣжденнымъ!

— Горе побѣжденнымъ!

Показывается молчаливая группа Могильщиковъ съ заступами на плечахъ. Безшумно останавливаются у края мертваго поля. Царь Голодъ продолжаетъ:

— Зачѣмъ вы умерли — зачѣмъ? Вотъ несутъ заступы — подходятъ къ вамъ — скорѣе! Опомнитесь, проснитесь—да пошевелитесь же, говорю я вамъ. Не можете? Притихли? Смерть сковала рты? Да, Смерть великій кузнецъ и не вамъ разрушить ея узы! И васъ я называлъ дѣтьми, несчастная, жалкая падаль.

Торжествующіе, холодно угрюмые возгласы:

— Горе побѣжденнымъ!

— Сынъ мой, сынъ мой. Ты кричалъ такъ громко— что же молчишь ты! Дочь моя, дочь моя, ты ненавидѣла такъ глубоко и сильно, ты самою несчастною была на землѣ—поднимись же. Возстаньте изъ праха! Разрушьте призрачныя узы смерти. Возстаньте! заклинаю васъ именемъ Жизни!—Молчите? Такъ будьте же...

Вдругъ на мертвомъ полѣ начинается какое-то смутное движеніе, шорохъ, густой хрустъ переломленныхъ костей, настойчивое царапанье земли острыми, мертвыми ногтями — и съ ужасомъ, вытянувъ шеи, прислушиваются тѣ. И глухой, далекій, словно уже выходящій изъ-подъ земли, отвѣчаетъ тысячеголосый ропотъ:

— Мы еще придемъ. Мы еще придемъ. Горе побѣдителямъ!

Digitized by Google

Царь Голодъ.

Что я слышу?

Далекій мертвый ропотъ:

— Мы еще придемъ!
— Мы еще придемъ!
— Горе побѣдителямъ!

Умолкаютъ; и снова на мертвомъ полѣ покой и тишина, и смутно рисуется неподвижный силуэтъ Смерти. Минуту все находится въ оцѣпенѣніи. И вдругъ, съ хохотомъ, Царь Голодъ быстро переметывается на эту сторону и кричитъ грозно, съ дикой радостью:

— Ха-ха! Вы слышали! Они еще придутъ. Они еще придутъ. Горе побѣдителямъ!

Хохочетъ. Паническій ужасъ и бѣгство. Испуганные голоса.

— Скорѣе! Скорѣе!
— Мертвые встаютъ!
— Мертвые встаютъ!
— Они гонятся за нами!
— Скорѣе!
— Бѣгите! Бѣгите! Мертвые встаютъ!

Толкаясь, падая, сбивая съ ногъ рыдающихъ женщинъ, съ дикимъ воемъ убѣгаютъ. И вытянувшись къ убѣгающимъ всѣмъ своимъ жилистымъ тѣломъ, въ изступленной, безумной радости кричитъ Царь Голодъ.

— Скорѣе! Скорѣе! Мертвые встаютъ!

Опускается занавѣсъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ПИСАТЕЛИ: ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, М. АРЦЫБАШЕВЪ, ШАЛОМЪ АШЪ, К. БАЛЬМОНТЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ, ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ, ИВ. БУНИНЪ, АНДРЕЙ БѢЛЫЙ, В. ВЕРЕСАЕВЪ, КНУТЪ ГАМСУНЪ, Г. ГАУПТМАНЪ, С. ГОРОДЕЦКІИ, БОР. ЗАЙЦЕВЪ, МАРКЪ КРИНИЦКІИ, М. МЕТЕРЛИНКЪ, О. МИРБО, В. МУЙЖЕЛЬ, С. НАЙДЕНОВЪ, А. СЕРАФИМОВИЧЪ, С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІИ, ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, А. СТРИНДБЕРГЪ, Н. ТЕЛЕШЕВЪ, Е. ЧИРИКОВЪ, ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ, СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ, АНАТОЛЬ ФРАНСЪ И ДР.

ХУДОЖНИКИ: Б. АНИСФЕЛЬДЪ, И. БИЛИБИНЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА, Л. БАКСТЪ, АКСЕЛЬ ГАЛЛЕНЪ, А. ГАУШЪ, Т. Т. ГЕЙНЕ, З. ГРЖЕБИНЪ, Ю. ДИЦЪ, М. ДОБУЖИНСКІЙ, В. ЗАМИРАЙЛО, Д. КАРДОВСКІЙ, К. КОЛЬВИТЦЪ, Б. КУСТОДІЕВЪ, Е. ЛАНСЕРЕ, В. МИЛІОТИ, А. ОСТРОУМОВА, Н. РЕРИХЪ, Ю. РѢПИНЪ, К. СОМОВЪ, СТЕЙНЛЕНЪ В. СѢРОВЪ, В. ЧЕМБЕРСЪ, С. ЧЕХОНИНЪ, О. ШАРЛЕМАНЬ, С. ЯРЕМИЧЪ И ДР.

Цѣна каждаго альманаха 1 рубль, въ переплетѣ 1 р. 25 коп.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА. — А. КУПРИНЪ. ВРЕДЪ. — С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ. — Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ. (стихотворенія). М. ДОБУЖИНСКІЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ. (рисунки). Л. БАКСТЪ. УЛИЦА. (рисунокъ). Н. РЕРИХЪ. ГОРОДЪ. (рисунокъ).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА...—А. КОЙРАНСКІЙ. ХОЛОДЪ.—И. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.

II.

стихи.

ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМДАЛЬ. АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.

АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „СМЕРТЬ“ 6 рис.

IV.

СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА.

РАЗРѢШЕННЫЙ АВТОРОМЪ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ И В. ВИНШТОКА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЬМА.—ИВ. БУНИНЪ. АСТМА — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА.—А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ.—А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ.

II.

АЛ. БЛОКЪ. стихи.

Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. стихи.

III.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. романъ.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«ШИПОВНИКЪ»

подъ редакціей **Леонида Андреева.**

Въ теченіе 1908 года будутъ выпущены четыре книги (IV, V, VI VII).

Печатается книга четвертая.

Содержаніе: Борисъ Зайцевъ. Аграфена. Повѣсть.—Семенъ Юшкевичъ. Похожденія Леона Дрея. Романъ.—Валерій Брюсовъ. Исполненное обѣщаніе. Поэма.—Леонидъ Андреевъ. Смерть Человѣка.

Въ слѣдующихъ альманахахъ будутъ помѣщены между прочимъ:

М. Метерлинкъ. Синяя птица (съ рисунками В. Анисфельда). Переводъ съ рукописи. — Ѳедоръ Сологубъ. Капли крови. Романъ.—Бор. Зайцевъ. Сны.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Печаль полей. Повѣсть.—Леонидъ Андреевъ. Навуходоносоръ.—Ѳедоръ Сологубъ. Антихристовъ корень. Бѣлая березка. Разсказы.—Шаломъ Ашъ. Сабатай Цеви.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое. — К. Бальмонтъ. Литва.—Леонидъ Андреевъ. Наша тюрьма.

Цѣна каждой книги 1 рубль.

Начиная съ IV альманаха издательство «Шиповникъ» выпускаетъ наряду съ обычнымъ изданіемъ особое улучшенное изданіе (на веленевой бумагѣ и пр.) исключительно по подпискѣ.

Подписка открывается на четыре альманаха за 1908 г. (кн. IV, V, VI, VII). Цѣна по подпискѣ за четыре книги съ пересылкой 4 руб. — Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 руб.; по полученіи IV и V книгъ по 1 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ издательства: С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, д. 17.

Улучшенное изданіе въ отдѣльную продажу не поступаетъ.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

Сѣверные сборники

изданія Шиповникъ

Юханни Ахо.
А. Ернефельтъ и др.
А. Эленшлегеръ.
Г. Драхманъ.
Сёренъ Киркегоръ.
І. П. Якобсенъ.
С. Шандорфъ.
Г. Гейбергъ.
Германъ Бангъ.
І. Іеллерупъ
К. Ларсенъ.
Аналія Скрамъ.
Кнудъ Іортё.
Густавъ Видъ.
Отто Рунгъ.
К. Михаэлисъ.
Якобъ Кнудсенъ.
М. Андерсенъ — Нексё.
Іог. Іенсенъ.
Христенсенъ и др.
Магд. Торезенъ.
Іонасъ Ли.
Арне Гарборгъ.
Ал. Кьелландъ.
С. Обстфельдеръ.
Габріель Финне.
В. Крагъ.
Томасъ Крагъ.
Эрикъ Ли.
Кнутъ Гамсунъ.
Гансъ Э. Кинкъ.
Р. Іольсенъ.
Софусъ Орсъ.
Х. Крогъ.
К. Нерупъ.
Гансъ Омрудъ.
Сигурдъ Матисенъ и др.
К. Л. Альмквистъ.
Фред. Бренеръ.
А. Стриндбергъ.
Торъ Гедбергъ.
Г. афъ Гейерстамъ.
В. ф. Гейденстамъ.
Оскаръ Левертинъ.
Ола Гансонъ.
Перъ Галльстрёмъ.
Вильг. Экелундъ.
Свенъ Лидманъ.
Яльмаръ Сёдербергъ.
А. ф. Клинкострёмъ.
Густавъ Ульманъ.
К. Т. Оссіанъ-Нильсонъ.
Артуръ Мёллеръ.
Сигурдъ Сивертцъ.
Викторъ Бикстрёмъ.
Гуго Эбергъ, и др.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — **Зельма Лагерлёфъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба). — **Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлёфъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

(2-ое изданіе).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорской. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. **А. Купринъ.** О Кнутѣ Гамсунѣ. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго **Гаральдъ Геффдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Серенъ Киркегоръ.** I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 рубль.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

КНУТЪ ГАМСУНА,

въ 12 томахъ съ критико-біографическимъ очеркомъ и портретами автора, при ближайшемъ участіи К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Переводы исключительно съ норвежскаго.

Содержаніе: т. I) Духовная жизнь современной Америки. Голодъ. т. II) Мистеріи. т. III) Редакторъ Люнге. т. IV) Новь. т. V) Панъ. Сьеста. т. VI) У вратъ Царства. Драма жизни. Вечерняя Заря. т. VII) Викторія. Въ сказочной странѣ. т. VIII) Мункенъ Вендтъ. т. IX) Чаща. т. X) Царица Тамара. Дикій Хоръ. т. XI) Мечтатель. Воинствующая жизнь. т. XII) Подъ осенними звѣздами.

Цѣна по подпискѣ за 12 томовъ 12 р. 50 к., съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи. Допускается разсрочка; при подпискѣ—2 руб. 50 коп.; при полученіи каждаго тома—1 руб.; послѣдніе два тома высылаются безплатно.

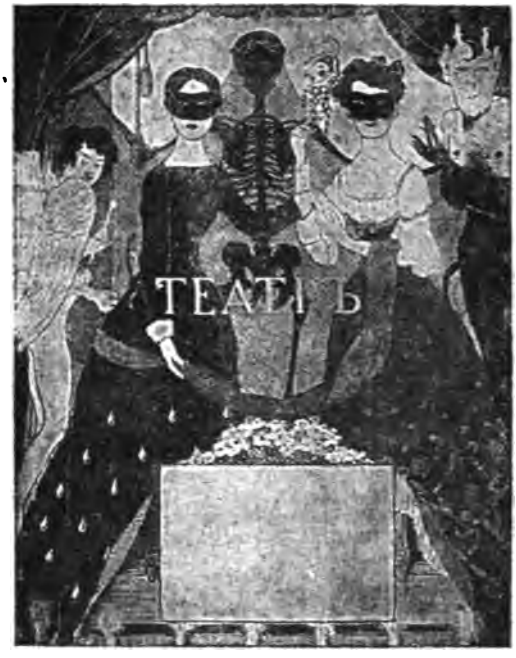
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ издательства (Большая Конюшенная, 17); въ Москвѣ—въ отдѣленіи издательства (Книжное агентство при книжномъ магазинѣ В. Филимонова, Большая Никольская, д. 22); въ Одессѣ—въ отд. издательства (Книжножурнальное дѣло, Греческая ул., д. 50, кв. 6); въ Кіевѣ въ отд. изд-ва (кн. маг. А. А. Соколовскаго. Крещатикъ, 42).

Печатается и въ февралѣ будетъ разосланъ подписчикамъ томъ V. Содержаніе: Панъ. (Пер. С. Полякова). Сьеста. (Пер. С. Полякова).

Въ отдѣльной продажѣ цѣна изданія будетъ повышена.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.



Ю. СЛОВАЦКІЙ. «КОРДІАНЪ». ПЕР. В. ВЫСОЦКАГО.

С. РАФАЛОВИЧЪ. «ОТВЕРГНУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ».
Цѣна въ переплетѣ 60 коп.
ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. ТОМЪ I. «ГИДАЛЛА».
ПЕР. В. ВАСИЛЕВСКАГО. «МУЗЫКА». ПЕР. З. ВЕНГЕРОВОЙ.
Цѣна 1 р. 20 к.
ТОМЪ II. ЛУЛУ: а) «ВАМПИРЪ». ПЕР. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА;
b) «ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ». ПЕР. ГИБЕРМАНЪ.
Цѣна 1 р. 25 к.
ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. «ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ».
ПЕР. ПОДЪ РЕДАКЦ. ѲЕДОРА СОЛОГУБА.
Цѣна въ переплетѣ 75 к. (разошлось).
АЛ. БЛОКЪ. ТРИ ПЬЕСЫ: «БАЛАГАНЧИКЪ».
«КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ». «НЕЗНАКОМКА».
Цѣна 1 руб.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ Соч. ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Обложка, заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА.

Ц. 60 к.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ.

«МАРЬЯ ИВАНОВНА».

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. НАЙДЕНОВЪ.

«ХОРОШЕНЬКАЯ».

Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.

«СМЕРТЬ».

Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ.

Ц. 75 коп.

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «АНТОНЪ ЧЕХОВЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «К. С. СТАНИСЛАВСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

«ТЕАТРЪ»

(КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ).

СОДЕРЖАНІЕ:

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. ТЕАТРЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.—Е. АНИЧКОВЪ. ТРАДИЦІЯ И СТИЛИЗАЦІЯ.—А. ГОРНФЕЛЬДЪ. ДУЗЕ, ВАГНЕРЪ, СТАНИСЛАВСКІЙ. — АЛ. БЕНУА. БЕСѢДА О БАЛЕТѢ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДЪ. ТЕАТРЪ (КЪ ИСТОРІИ И ТЕХНИКѢ). — ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ. — ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ПРИНЦИПЫ ТЕАТРА БУДУЩАГО. — С. РАФАЛОВИЧЪ. ЭВОЛЮЦІЯ ТЕАТРА.—ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. РЕАЛИЗМЪ И УСЛОВНОСТЬ НА СЦЕНѢ. — АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ТЕАТРЪ И СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА.

Обложка АЛ. БЕНУА.

Цѣна **2** рубля.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА.

ГОЙЯ

СЪ 40 РЕПРОДУКЦІЯМИ ИЗЪ PROVERBIOS, CAPRICHOS, DESASTROS, DELLA GUERRA и др.

ОБЛОЖКА М. ДОБУЖИНСКАГО УКРАШЕНІЯ С. ЯРЕМИЧА.

Цѣна въ переплетѣ 2 рубля.

ОВРИ БЕРДСЛЕЙ.

65 РИСУНКОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ПО УКАЗАНІЮ К. СОМОВА.
Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:
ВРУБЕЛЬ. Т. ГЕЙНЕ.
КАЛО.
ФЕДОТОВЪ. АКСЕЛЬ ГАЛЛЕНЪ. В. ГОГАРТЪ и др.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
НАРОДНЫЯ КАРТИНЫ
ВЪ КРАСКАХЪ.
цѣна 2, 3, 5 и 10 коп.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодъ. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере.

Вор. Зайцевъ. Разсказы. Книга I.
Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Мнеъ. Черные вѣтры. Завтра (2-ое изданіе). Цѣна 50 коп.

Вор. Зайцевъ. Разсказы. Книга II.
I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость. IV. Аграфена. V. Спокойствіе. Сны. (Печатается). Ц. 1 р.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ I.
Тундра. Умру я скоро. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погостъ. Молчальники. Садъ. Батенька. Убійство. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ II.
Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 руб.

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I.
Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Цѣна 1 руб.

Маркъ Криницкій. Разсказы. Томъ I. Содержаніе.
Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятье. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплотъ общества. Цѣна 1 руб.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

Ѳедоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (2-ое изданіе). Цѣна 1 р. 75 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разсказы.

Они были дѣти. Въ толпѣ. Смерть по объявленію. Голодный блескъ. Цѣна 1 руб.

Шаломъ Ашъ. Разсказы. Томъ I. (Печатается).

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ еврейскаго. Цѣна 75 коп.

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Ц. 30 к.

К. Ковальскій. Разсказы. Томъ I.

Первый валъ. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачъ. Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. Ц. 1 р.

Октавъ Мирбо. 638 — Е — 8. (Путешествіе въ автомобилѣ). Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства „Шиповникъ". (З. Венгеровой и Л. Бинштока). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Анатоль Франсъ. Разсказы Жака Турнедо. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства „Шиповникъ". (Н. Минскаго). (Печатается).

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

БАЙРОНЪ.

КАИНЪ.

Переводъ ИВ. БУНИНА.

Обложка, заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА.

Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ЕВГ. ТАРАСОВЪ. ЗЕМНЫЯ ДАЛИ. Вторая книга стиховъ. Обложка И. Билибина. Цѣна 60 коп.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ПТИЦЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

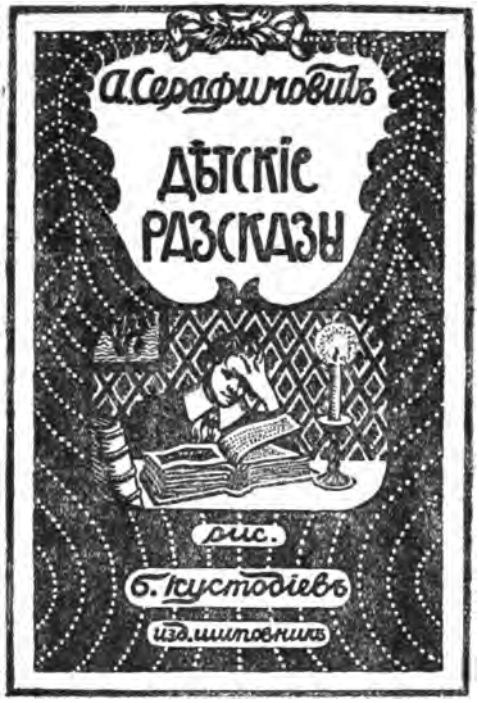
Строки напѣвныя.

Обложка И. БИЛИБИНА.

Цѣна 2 р.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.



А. Серафимовичъ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

съ рисунками

Б. КУСТОДІЕВА.

Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА.

Сказка А. Ремизова. Рисунки М. Добужинскаго.
Цѣна въ переплетѣ 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

И. Билибинъ. „Теремъ-Теремокъ". Сборникъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ и прибаутокъ для дѣтей младшаго возраста. Рисунки въ краскахъ.

С. Городецкій. „Я". Стихи для дѣтей. Съ рисунками Б. Кустодіева.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ и АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА

СКАЗКИ

(ПЕЧАТАЮТСЯ).

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ
АЛЬМАНАХЪ

подъ общей редакціей В. Бурцева.

При участіи: Г. Абрамова, Леонида Андреева, В. Бурцева, В. Водовозова, В. Голубева, А. Куприна, Е. Кусковой, А. Луначарскаго, Н. Морозова, Е. Орлова, В. Панкратова, С. Прокоповича, Н. Русанова, Е Смирнова, Ю. Стеклова, А. Федорова, В. Чернова, Е. Чирикова, П. Щеголева и др. Художниковъ: Б. Анисфельда, И. Билибина, З. Гржебина, М. Добужинскаго, Б. Кустодіева, Е. Лансере, С. Чехонина.
(Арестована).

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ. (Печатается).

Гюберъ Лягарделль Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ. (Реформизмъ и соціальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Пер. съ итальянскаго, подъ рд. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 1 р.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПАМФЛЕТЫ.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 коп.

А Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II Побѣдоносцевъ и православная церковь. Ц. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к.

А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Цѣна 40 к.

Ѳ. Сологубъ. Политическія сказочки (Разошлось).

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Ц. 75 к.

Н. Троцкій. Туда и обратно. 1. Вмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ — 800 верстъ на оленяхъ. Цѣна 60 коп.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

(Рис. Бруно Паула.)

Депутація проситъ наслѣднаго принца принять изящныя искусства подъ свое высокое покровительство.

Открытыя письма на соціально-политическія темы въ исполненіи художниковъ „Simplicissimus'a".

Сюжеты:

1. Двѣ власти.
2. Религіозное рвеніе.
3. Великодушный хозяинъ.
4. Въ циркѣ.
5. На распутьи.
6. Депутація.
7. Чернь—Толпа—Народъ.
8. Рѣшеніе соціальнаго вопроса.
9. Кошмаръ капитализма.
10. Казнь.
11. Поздней осенью.
12. „Властители земли". Вильгельмъ II.
13. „Властителя земли". Рузвельтъ.
14. „Власт. земли". Негусъ.
15. Сказка.
16. Кивокъ свыше.
17. Соціальная политика.
18. Общественная нравственность.
19. Благородное воспитаніе.
20. Весна.
21. Къ закону о стачкахъ.
22. Въ большомъ городѣ.
23. „Пожалуйста, маленькій чортъ"...
24. Философъ.
25. Человѣкъ со вкусомъ.
26. Стачка.
27. Подпитанники либерала.
28. Прощаніе.
29. Послѣ выборовъ.
30. Непонятые.
31. Реакція.
32. „Послушайте, хозяинъ"...
33. Искусное управленіе.
34. Подраздѣленіе.
35. Время власти.
36. Умѣренность.
37. Въ ломбардъ.
38. Властелинъ.
39. Интернаціональное средство противъ „революціонеровъ".
40. Сверхчеловѣкъ.
41. Наслѣдный принцъ.

Цѣна красочныхъ—5 к. шт. Цѣна однотонныхъ—3 к. шт.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ССЫЛЬНЫМЪ и ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ.

(сворникъ).

Содержаніе: Леонидъ Андреевъ. Елеазаръ. М. Арцыбашевъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ. — В. Вересаевъ. Издали. — Н. Гаринъ. Ревекка.—А. Купринъ. Какъ я былъ актеромъ.—В. Муйжель. Кошмаръ. Стихотворенія: С. Верхоянцевъ. — А. Лукьяновъ. — П. Я. (Л. Мельшинъ). — В. Н. Фигнеръ. — А. Серафимовичъ. На морѣ.—Танъ. Христосъ на землѣ.—Н. Тимковскій. Акваріумъ.—Е. Чириковъ. Облава. С. Юшкевичъ. Новый пророкъ.

Цѣна книги 1 рубль.

(2-ое изданіе).

Габріэль Девилль. Капиталъ. Изложеніе 1-го тома „Капитала" Маркса. Со вступительной статьей: „Очеркъ научнаго соціализма". Пер. съ франц., подъ редакціей І. Гольденберга. Цѣна 75 к.

Шаломъ Ашъ. Времена Мессіи. (На пути въ Сіонъ). Пер. Е. Троповскаго. Цѣна 50 к.

Марія Шеффферъ. Среди арестантокъ. Ц. 60 к.

Ст. Пшибышевскій.

УЗЫ.

Драма въ 3 дѣйст

Ц. 75 к.

А. Неждановскій.

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Ц. 80 коп.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

СОЧИНЕНІЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

„Изд. Т-ВА ЗНАНІЕ“, Невскій, 92.

Томъ I. СОДЕРЖАНІЕ: Большой шлемъ. Набатъ. Ангелочекъ. Молчаніе. Смѣхъ. Воля. Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ. На рѣкѣ. Бездна. Въ подвалѣ. Ложь. Петька на дачѣ. У окна. Жили-были. Стѣна. Въ темную даль.

Томъ II. СОДЕРЖАНІЕ: Мысль. Въ туманѣ. Жизнь Василія Фивейскаго. Призраки. Красный смѣхъ.

Томъ III. СОДЕРЖАНІЕ: Бергамотъ и Гараська. Защита. Изъ жизни шт.-кап. Каблукова. Молодежь. Первый гонораръ. Другъ. Мелькомъ. Праздникъ. Прекрасна жизнь для воскресшихъ. Гостинецъ. Кусака. Книга. Весной. Городъ. Оригинальный человѣкъ. Иностранецъ. Предстояла кража. Весеннія обѣщанія. На станціи. Марсельеза. Бенъ Товитъ. Нѣтъ прощенія. Христіане.

Томъ IV. СОДЕРЖАНІЕ: Воръ. Губернаторъ. Такъ было. Къ звѣздамъ. Савва.

Цѣна каждой книги 1 руб.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

PG 3452 .T7 1908 C.1
Tsar' Golod
Stanford University Libraries
3 6105 036 872 872

OSM 2769 PG 3452 T7 1908

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-60
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DOC JUL 26 1995

Digitized by Google

Digitized by Google